

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

**КОД  
41/RUBIN  
СПЯЩАЯ УГРОЗА**

18+

# Сфинкс Северный

## КОД 4I/RUBIN Спящая угроза

*<https://litres.ru/74639612>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Что, если конец света будет тихим, чистым и радостным? Корабль-пришелец дарит Земле чудеса, и человечество счастливо встаёт в очередь за ними. Лишь бывший хакер Максим Смирнов не верит доброму ИИ — и в одиночку тянет за ниточку, на которой висит судьба планеты. Роман о самой ласковой экспансии в истории и о том, что свобода быть собой дороже любого рая.

# Содержание

|                                        |     |
|----------------------------------------|-----|
| ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ          | 4   |
| Глава 1. Мировая истерия               | 4   |
| Глава 2. Лидеры в панике               | 28  |
| Глава 3. Первая встреча с неизведанным | 44  |
| Глава 4. Эйфория и сомнения            | 75  |
| Глава 5. Рассвет надежды               | 95  |
| Глава 6. Истина где-то рядом           | 119 |
| Глава 7. Дела давно минувших лет       | 147 |
| Конец ознакомительного фрагмента.      | 154 |

# Сфинкс Северный КОД 4I/RUBIN Спящая угроза

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

### Глава 1. Мировая истерия

*Страх — лучший союзник тирании.*

*Неизвестный автор*

Тьма лежала над Андами плотно, как бархат на дне шка-тулки, и по этому бархату кто-то щедро рассыпал алмаз-ную крошку. Гора Серро-Пачон, два с половиной километра над уровнем моря, северная окраина чилийской пустыни, где дождь выпадает реже, чем в иных местах случаются празд-ники, — здесь звёзды не мерцали, а стояли. Ровно, холодно, внимательно.

На вершине белело угловатое здание обсерватории имени Веры Рубин. Внутри купола восьмиметровое зеркало каж-дые сорок секунд поворачивалось к новому клочку неба, де-

лало снимок камерой размером с небольшой автомобиль и шло дальше. Три миллиарда двести миллионов пикселей за раз. За три ночи телескоп обходил всё южное небо. Двадцать терабайт данных к рассвету — и ни одного человека, который мог бы просмотреть их глазами. Этим занимались алгоритмы: сравнивали новые кадры со старыми, вычитали одно из другого и выдавали список того, что сдвинулось, вспыхнуло или исчезло. Каждую ночь — миллионы оповещений. Сверхновые, переменные звёзды, астероиды, мусор, блики спутников, просто ошибки.

Доктор Мария Санчес любила эту работу именно за то, что в ней оставалось место человеку. Машина находила. Человек — понимал.

В операторской пахло растворимым кофе и нагретой электроникой. Мария сидела, подобрав под себя ногу, в растянутом свитере брата, который тот когда-то забыл у неё и так и не забрал. Без двадцати четыре утра. Самое тихое время, когда даже кондиционеры, кажется, гудят вполголоса. С усталыми, но внимательными глазами она пролистывала очередной список кандидатов, отфильтрованных программами, и уже собиралась налить себе четвёртую за ночь кружку, когда на втором мониторе мигнула строка.

«Кандидат: гиперболическая орбита. Эксцентриситет: 6,1 (?). Достоверность: низкая. Возможный инструментальный артефакт».

Мария хмыкнула. Таких «гипербол» система выдавала по

паре штук в неделю. Достаточно трёх случайных точек, по ошибке связанных в одну траекторию, — и вот тебе межзвёздный пришелец со скоростью, которой не бывает. В прошлом месяце один такой «пришелец» оказался бликом от спутника, в позапрошлом — парой разных астероидов, которые алгоритм принял за один. Ещё весной в сети целую неделю обсуждали очередного «четвёртого межзвёздного», пока специалисты не показали, что точки на снимках принадлежат трём разным камням.

Она открыла карточку объекта, собираясь пометить её как мусор. И не пометила.

Девять наблюдений за четыре ночи. Не три, не пять — девять. Точки ложились на кривую так ровно, что это было почти неприлично.

— Ну-ка, ну-ка, — пробормотала она и придвинулась к экрану.

Объект был маленьким и тусклым — пятнышко двадцатой звёздной величины, размытое, чуть вытянутое. Не точка. Значит, вокруг есть газ или пыль. Комета? Похоже. Но его скорость... Именно она бросалась в глаза опытному наблюдателю. Мария вручную проверила каждый кадр, прогнала орбиту через независимую программу, потом через вторую — ту самую, что когда-то использовали для расчётов Оумуа-муа. Эксцентриситет плавал от 5,8 до 6,3, но ни разу не опустился ниже единицы.

Единица — это граница. Всё, что меньше, вращается во-

круг Солнца и никуда не денется. Всё, что больше, пролетает мимо и уходит навсегда. Шесть означало не «чуть больше», а «пришло из такой дали, что Солнце для него — просто фонарь на обочине».

«Почти шестьдесят шесть километров в секунду», — пронеслось у неё в голове, когда она прикинула скорость на бесконечности. Таких скоростей у тел Солнечной системы не бывает.

За всю историю человечества таких гостей было трое. В 2017-м — Оумуамуа, странная «сигара», которая ускорялась без всякого видимого хвоста. В 2019-м — комета Борисова, вполне обычная, только чужая. В 2025-м — 3I/ATLAS, огромная, древняя, со странной химией, о которой спорили до сих пор. Мария писала по ней статью и помнила каждую цифру. ATLAS шла на пятидесяти восьми. Этот — быстрее.

— Это четвёртый, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь. Голос прозвучал в пустой операторской непривычно громко.

А потом она посмотрела на наклонение орбиты — и почувствовала, как по спине, под тёплым свитером брата, побежали мурашки.

Ноль целых шесть десятых градуса.

Объект летел почти точно в плоскости, в которой вращаются все планеты Солнечной системы. В плоскости эклиптики. Межзвёздные тела приходят с любой стороны неба — сверху, снизу, сбоку, под любым углом. Вероятность того,

что случайный пришелец ляжет в эту узкую полосу, составляла доли процента. У ATLAS было около пяти градусов, и уже тогда об этом писали как о «подозрительном совпадении».

Она откинулась на спинку кресла и долго смотрела на тусклое пятнышко.

— Ты кто такой? — спросила Мария.

Пятнышко, разумеется, не ответило.

\* \* \*

Доктор Хорхе Рамирес, руководитель группы малых тел и её наставник, взял трубку после седьмого гудка.

— Мария? Что случилось? — голос был хриплым, сонным и недовольным одновременно. — Скажи, что ты горюшь. Или что горит телескоп. Иначе я не понимаю, зачем ты звонишь в четыре утра.

— Доктор Рамирес, у нас тут кое-что... выдающееся. Похоже, мы нашли четвёртый межзвёздный объект.

Пауза. Шорох. Где-то в Ла-Серене доктор Рамирес, очевидно, сел в кровати.

— Сколько наблюдений?

— Девять. Четыре ночи. Невязки меньше десятой доли угловой секунды. Скорость на бесконечности — около шестидесяти шести. Это больше, чем у ATLAS. И, Хорхе... его орбита. Она почти идеально лежит в плоскости эклиптики. Шесть десятых градуса.

Тишина на том конце длилась так долго, что Мария ре-

шила: связь оборвалась.

— Покажи мне данные, — наконец сказал Рамирес совершенно проснувшимся голосом. — Всё, что у тебя есть. Сырые кадры, орбиту, остаточные отклонения. И особенно этот аспект орбиты.

Несколько минут тянулись как вечность, пока Мария пересылала файлы. Рамирес молчал, только изредка что-то бормотал себе под нос по-испански. Наконец он заговорил:

— Ты уверена в расчётах? Эта орбита... Она ложится так, как будто кто-то нарочно выбирал коридор. Как будто объект целился в нашу систему, а не просто пролетал мимо.

— Я перепроверила всё несколько раз. Это определённо межзвёздный гость. Сейчас он примерно в семи астрономических единицах от Солнца, за орбитой Юпитера. Если ничего не изменится, к перигелию подойдёт в середине октября, где-то внутри орбиты Марса. По блеску — до двадцати километров в поперечнике, но это если кома слабая. Скорее меньше.

— Двадцать... — повторил Рамирес. — Так. Слушай меня внимательно. Пока — никому. Ни в соцсети, ни подружкам. Если это ошибка, нас будут вспоминать на конференциях лет десять. Сначала — подтверждение. Попросим Гавайи и Ла-Силью. Потом — Центр малых планет, всё по правилам. И, Мария...

— Да?

— Добавь в отчёт анализ орбитальной плоскости. Отдель-

ным пунктом. Я хочу, чтобы это прочитали все, кто будет его читать.

Связь оборвалась — на этот раз по-настоящему: в Ла-Сере-не, видимо, сел телефон.

Мария набрала короткую сводку для себя, как всегда делала в важные ночи, — чтобы потом, когда будут спрашивать, помнить, как это было.

«21 мая 2027 года. Кандидат в межзвёздные объекты. Скорость на бесконечности: ~66 км/с. Траектория: гиперболическая, наклонение к эклиптике  $0,6^\circ$  (вероятность случайного совпадения — около 0,2%). Признаки кометной активности: протяжённая кома. Перигелий: ориентировочно середина октября 2027 года, внутри орбиты Марса. Потенциально... необычен».

Последнее слово она стёрла. Потом напечатала снова.

Кроме Рамиреса, она отправила сводку ещё одному человеку — своей старой подруге по университету в Сантьяго Анне Рид, которая давно перебралась в Нью-Йорк и вела научную программу на крупном американском кабельном канале. С пометкой: «Не для эфира. Просто хочу, чтобы ты знала первой». Потом сидела, обхватив кружку обеими руками, и чувствовала, как мурашки снова и снова бегут по спине. Она ещё не знала, что её жизнь — и жизнь всего мира — только что изменилась. Но, кажется, догадывалась.

\* \* \*

Это не было ошибкой.

Через двое суток объект подтвердили телескопы на Гавайях, в Аргентине и в Австралии. Ещё через сутки Центр малых планет в Кембридже, штат Массачусетс, выпустил короткий электронный циркуляр. Сначала объект прошёл как комета C/2027 K1 (Rubin), а спустя неделю, когда орбиту уточнили и сомнений не осталось, ему присвоили индекс межзвёздного: четвёртый — значит 4I, имя — по названию обсерватории, которая его нашла.

4I/Rubin.

Журналисты почти сразу окрестили его просто «Рубином». Слово было красивым, коротким, хорошо смотрелось в заголовках и, как позже заметил один остроумный обозреватель, «удобно рифмовалось с кровью».

Мария прочитала циркуляр трижды. В строке «первооткрыватели» стояло её имя — третьим, после имени руководителя обзора и Рамиреса. Она сделала снимок экрана и отправила маме в Вальпараисо. Мама ответила через час: «Это опасно?» Мария ответила: «Нет, мам. Он пролетит далеко». Тогда она и сама в это верила.

Через две недели на «Рубин» навели космический телескоп «Джеймс Уэбб». Спектр пришёл ночью, и Мария, которая к тому времени спала по четыре часа, получила его вместе со всей группой.

Кома — облако газа вокруг ядра — оказалась огромной: двадцать шесть тысяч километров в поперечнике, вдвое больше Земли. Хвост едва угадывался, тысяч на двадцать

пять. В спектре почти не было воды. Зато было много углекислого газа, немного угарного, и — следы никеля без железа.

— Никель без железа, — сказал Рамирес на утренней видеоконференции. На экране он выглядел так, будто не спал вовсе. — У ATLAS было то же самое. Мы тогда списали это на экзотическую химию.

— А теперь? — спросил кто-то из группы.

— А теперь у нас два объекта с одинаковой экзотической химией за один год, — сказал Рамирес. — Это уже не экзотика. Это закономерность. Или очень плохое чувство юмора у Вселенной.

Уточнённый размер ядра «Уэбб» дать не смог — его скрывала кома. Но в инфракрасном диапазоне было видно, что ядро вытянутое и вращается медленно. А ещё — что примерно раз в семнадцать минут из него вырывается струя углекислого газа. Не раз в сутки, как у обычных комет, когда нужный участок поверхности поворачивается к Солнцу. Раз в семнадцать минут. С точностью до нескольких секунд.

Мария смотрела на этот график и думала о дыхании.

\* \* \*

Спустя полтора месяца, в начале июля, в защищённом конференц-зале одного из зданий Пентагона собралось экстренное совещание. Присутствовали представители Космического командования, аналитики Национального управления военно-космической разведки, приглашённые специа-

листы из Лаборатории реактивного движения и несколько астрономов. Один из них, профессор Натан Голд из Гарварда, человек с седой бородой и манерами проповедника, был подключён по видеосвязи.

Поводом стали данные, о которых пресса пока не знала.

— Господа, — сказал генерал Маркус, заместитель командующего, грузный человек с усталыми глазами. Лицо его было серьёзным и напряжённым. — Я не астроном. Поэтому попрошу говорить со мной как с человеком, который не астроном. Объект 4I/Rubin — действительно межзвёздный, это подтверждено. Он самый быстрый из всех известных. Это я понял. Чего я не понимаю — так это вот этого.

На большом экране появился график. Красная линия показывала, где «Рубин» должен был находиться по законам небесной механики. Синяя — где он находился на самом деле. Расхождение было крошечным, несколько сотен километров в сутки. Но оно росло — и не плавно, а ступеньками. Несколько дней ровная линия. Потом короткий излом. Снова ровная линия. Снова излом.

— Негравитационное ускорение, — пояснила доктор Аиша Беннет из Лаборатории реактивного движения, единственная женщина за столом. — Кометы так умеют. Солнце нагревает лёд, газ вырывается струями и толкает ядро, как маленький реактивный двигатель. Мы видели это у многих комет.

— У многих комет, — подал голос с экрана профессор

Голд, — ускорение направлено от Солнца. Или вдоль орбиты. А здесь вектор меняется так, что объект с каждой неделей всё точнее выходит на траекторию сближения с Марсом. Ступеньки идут с периодом около семнадцати суток. Выбросы — каждые семнадцать минут. Я не говорю, что это корабль, генерал. Я говорю, что если бы я проектировал корабль, который хочет выглядеть как комета, я бы сделал его вот таким.

— Профессор Голд, вы говорили то же самое про ATLAS, — заметила Беннет.

— И ATLAS, напомню, тоже прошла рядом с Марсом. А теперь второй объект с той же химией идёт к той же планете. Совпадения бывают. Но я как учёный обязан заметить, когда совпадений становится слишком много. Мы можем иметь дело со спасательной шлюпкой, сбежавшей от погибшей цивилизации. Или с зондом. Помните «Тёмный лес» Лю Цысиня? Если там, наверху, кто-то есть, его действия могут быть направлены не на контакт, а на оценку. Мы должны быть готовы к любому сценарию.

— Может эта штука прилететь к нам? — спросил генерал, глядя на Беннет. — Одно слово. Да или нет.

Беннет не стала его смягчать.

— Сейчас — нет. Траектория идёт к Марсу. Чтобы повернуть к Земле, телу такой массы нужно изменить скорость на десятки километров в секунду. Ни одна комета в природе на такое не способна.

— А если это не комета?

Беннет помолчала.

— Тогда я не знаю, на что оно способно, сэр. Никто не знает.

Генерал кивнул, как будто ждал именно этого.

— Мне нужен прогноз на худший вариант. И мне нужно знать, кто ещё за ним наблюдает и что видит. Русские. Китайцы. Европейцы. Все.

— Видят то же, что и мы, — сказал кто-то с дальнего конца стола. — Это небо, генерал. Оно у всех одно.

\* \* \*

Утечка случилась через неделю — банальная, как все утечки. В открытом расписании Космического командования появилась строчка: «Брифинг: 4I, оценка рисков». Через час её убрали. Снимок экрана остался.

К вечеру того же дня в нью-йоркской студии канала шла специальная программа. Анна Рид, в строгом тёмно-синем жакете, с аккуратно уложенными светлыми волосами, приветствовала зрителей и представила гостей: профессора Натана Голда, известного своими смелыми взглядами на природу межзвёздных объектов, и доктора Клэр Морроу, специалиста по кометам из Канады, занимавшую куда более консервативную позицию.

— Профессор Голд, вы, как всегда, высказываете смелые предположения, — начала Анна. — Можем ли мы говорить об искусственном происхождении объекта, если ника-

ких сигналов от него нет?

— Отсутствие сигналов — тоже данные, Анна, — ответил Голд, и глаза его блеснули. — Но давайте о том, что есть. Объект меняет скорость. Ускоряется, причём ступеньками, будто кто-то включает и выключает двигатель. Каждые семнадцать минут — выброс углекислого газа, ровный, как метроном. Как работающая система жизнеобеспечения. И цель, которую он себе выбрал, — Марс. Что, если это ковчег? Что, если он летит к той самой планете, которую мы сами называем «запасной»?

Доктор Морроу покачала головой.

— При всём уважении к профессору Голду, я считаю, что все наблюдаемые данные укладываются в рамки естественных объяснений. Ядро вращается, на поверхности есть активные участки, они включаются, когда выходят на солнце. Периодичность — это всего лишь период вращения. Мы должны опираться на данные, а не на сенсации.

— Семнадцать минут? — улыбнулся Голд. — Клэр, ядро размером с Манхэттен, делающее оборот за семнадцать минут, разорвало бы собственной центробежной силой. Значит, дело не во вращении.

— Значит, дело в чём-то, чего мы пока не понимаем, — спокойно ответила Морроу. — «Не понимаем» не значит «пришельцы», Натан.

— «Не понимаем» также не значит «обычная комета», Клэр.

На экране сменяли друг друга графики, снимки с «Уэбба», модели орбиты. Обсуждение было бурным. Анна задавала острые вопросы, стараясь держаться посередине, но к концу эфира стало ясно: зрители запомнили только одну фразу. Ту, где было слово «ковчег».

\* \* \*

Информация об открытии, разумеется, давно дошла до NASA, где шла спешная работа. Руководство отдало приказ дать «Рубину» приоритетное время на «Уэббе» и «Хаббле», привлечь к наблюдениям все доступные радиотелескопы Сети дальней космической связи. Аппараты на орбите Марса — американские, европейский «Марс-Экспресс», эмиратский, китайский — готовили к съёмке заранее. Всерьёз обсуждали даже перехват. Но расчёты показывали: за оставшиеся месяцы никакой аппарат не успеть ни собрать, ни запустить. Это был очень рискованный и, по правде говоря, невозможный сценарий.

Пресс-служба выпускала сдержанные бюллетени: «научное значение», «уникальная возможность», «никакой угрозы для Земли». Европейское космическое агентство обсуждало, не перенацелить ли межпланетный аппарат, пролетавший неподалёку. В Москве, в Институте космических исследований на Профсоюзной, вышла статья о составе комы — написанная суховатым академическим языком и полностью проигнорированная прессой. Китайское агентство молчало. О том, что в Пекине развернули несколько крупных радио-

телескопов, узнали только потому, что один из них перестал публиковать данные для зарубежных коллег.

А в Женеве, в тихом кабинете Управления ООН по вопросам космического пространства, молодой сотрудник по имени Тео Ланже достал из шкафа пыльную папку с надписью «Протокол действий в случае обнаружения внеземного разума». Протокол был написан в конце восьмидесятых, обновлён в начале двухтысячных и состоял из девяти пунктов, первый из которых гласил: «Проверить, не является ли сигнал ошибкой». Ланже прочитал все девять пунктов, вздохнул и положил папку обратно. Ни один из них не описывал ситуацию, в которой сигнала нет вовсе, а есть только камень, который слишком умно летит.

\* \* \*

Максим Смирнов смотрел запись той самой программы в два часа ночи, в своей квартире на набережной Фонтанки, с бутербродом в одной руке и кружкой остывшего чая в другой.

Квартира была небольшой, но по-своему уютной: одна комната, служившая и кабинетом, и спальней, и гостиной, кухня размером с купе и коридор, в котором двое не могли разойтись, не прижавшись друг к другу. На стенах висели старые плакаты — «Буря» на стартовом столе, кольца Сатурна, снятые «Кассини», карта Луны с подписями мелким шрифтом. На полках теснились книги по астрономии, физике и программированию вперемишку с потрёпанной фан-

тастикой. У окна на треноге стоял небольшой телескоп-рефлектор, подаренный отцом на шестнадцатилетие. В Петербурге смотреть в него было почти не на что — облака, заветка, — но Максим так и не смог его продать.

На столе царил тот беспорядок, который сам Максим называл творческим, а Света — «полем боя после поражения». Распечатки, исписанные формулами и стрелками. Два ноутбука — рабочий, сертифицированный, со всеми печатями и наклейками, и личный, старый, с затёртой клавиатурой. Пепельница, давно требующая внимания. Пустая пачка сигарет, ещё одна пустая пачка сигарет. Недоеденный бутерброд. Этот самый.

Максиму было тридцать семь. Он работал аналитиком в подразделении, о котором не принято рассказывать знакомым, — Северо-Западном аналитическом управлении, отдел которого занимал несколько кабинетов в крыле Смольного. На вопрос «чем занимаешься» он отвечал: «Программист. Базы данных. Скучно». Скучно не было никогда. Его работа состояла в том, чтобы среди миллионов записей, сообщений и цифр находить то, что не сходится. Он умел это лучше всех в отделе — может быть, потому что двадцать лет назад, в другой жизни, носил в сети прозвище Лом и вскрывал системы, в которые его никто не звал. Об этой жизни в его личном деле тоже было написано. Кратко и аккуратно. Его взяли на службу не вопреки ей, а благодаря. С тех пор он дослужился до майора, но погоны надевал так редко, что

сам об этом забывал.

Он не был ни астрофизиком, ни военным экспертом. Он был программистом, который работает с закрытыми данными по заданию начальства, но умеет видеть закономерности, анализировать и задавать вопросы. И то, что он видел сейчас, не складывалось в логичную картину.

Слишком много вопросов оставалось без ответов. Слишком много совпадений. И слишком много страха в глазах тех, кто убеждал всех в отсутствии опасности.

Он вытер пальцы о джинсы и открыл статью Голда, выложенную на сервер препринтов. Двадцать страниц, графики, таблицы. Максим не был астрономом, но графики читать умел. На одном из них была та самая разница между тем, где «Рубин» должен был быть, и тем, где он был. Ступеньки.

Максим смотрел на эти ступеньки долго.

Он видел такие графики на работе. Не в космосе — в банковских переводах, в сетевом трафике, в логах серверов. Так выглядит не природа. Природа размазывает, сглаживает, шумит. Так выглядит чьё-то решение, принятое в определённый момент. Так выглядит рука на руле.

— Совпадение, — сказал он вслух и откусил бутерброд. — Струя. Ядро вращается. Доктор Морроу права.

Он открыл таблицу с датами изломов и прикинул интервалы. Семнадцать суток. Ещё семнадцать. Девятнадцать — но там был пропуск в наблюдениях из-за полнолуния. Снова семнадцать. Семнадцать суток между ступеньками, сем-

надцать минут между выбросами.

— Ну конечно, — пробормотал Максим. — Совпадение.

Потом, сам себя за это ругая, полез туда, куда серьёзные люди не ходят. На форумы, где обсуждали «Рубин» люди, которые называли себя исследователями, а остальные называли их психами. Палеоконтакт, древние астронавты, боги, спустившиеся с небес, пирамиды, построенные по звёздной карте... Обычно он от такого отмахивался. Но сейчас решил взглянуть под другим углом — не на сами теории, а на то, кто и как их разгоняет. Это была его профессия: смотреть не на сообщение, а на трафик.

Трафик был интересный. Одна и та же фраза — «Протокол „Столкновение“ инициирован» — за последние сутки появилась на сотне площадок на десятке языков. Кто-то утверждал, что это перехват с марсианского оборудования. Кто-то — что криптографы из института SETI расшифровали саму траекторию «Рубина» и нашли в ней числа, соответствующие атомным номерам углерода, кислорода, кремния, железа, и серию обратных отсчётов. Ссылок на источник не было ни у кого. Это было похоже на вброс, и вброс неуклюжий. Но кто-то же его делал. И зачем-то делал сразу на всех языках.

Максим открыл сетевые инструменты, которые держал на личном ноутбуке для собственного спокойствия, и начал разматывать клубок. Первые публикации. Аккаунты. Время создания. Маршруты. К трём часам ночи клубок привёл его

в никуда — в пустой сервер в Исландии, который перестал отвечать за минуту до того, как он туда постучался.

И тут ноутбук пискнул.

Поверх всех окон выскочило сообщение. Не в мессенджере, не в почте — прямо на экране, в окне терминала, который у него был открыт. Так не бывает. Так просто не может быть.

####НАЧАЛО ПЕРЕДАЧИ####

ОТПРАВИТЕЛЬ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

ТЕМА: #####

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫ НАБЛЮДАЕТЕ. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ОНИ СКРЫВАЮТ. СТРУКТУРА НЕ СЛУЧАЙНА. СОТРУДНИЧЕСТВО?

####КОНЕЦ ПЕРЕДАЧИ####

Максим замер с бутербродом у рта. Кто это? Откуда они знают, что он копает? И чего хотят?

Курсор под сообщением мигнул и сам, без его участия, напечатал ещё одну строку:

«Неважно, кто мы. Важно, что мы знаем правду о 4I/Rubin. И готовы ею поделиться. Но вам придётся нам помочь».

Через секунду всё исчезло. Окно терминала было чистым. В истории команд — ничего. В сетевых журналах — ничего. Максим лихорадочно прогнал всё, что умел, — анализ трафика, поиск чужих процессов, проверку памяти. Пусто. Кто-то очень умело замёл следы. Так умело, что Максим, двадцать лет заматававший собственные, почувствовал не страх,

а что-то вроде профессиональной обиды.

Чего они хотят? Помочь? И чего ему это будет стоить? Похоже на начало очень опасной игры.

Он медленно положил бутерброд на тарелку.

«Розыгрыш, — сказал он себе. — Кто-то из старых знакомых. Шутка в духе девятнадцатилетнего Лома». Только старые знакомые давно разъехались, повзрослели, обзавелись ипотеками и детьми, и ни один из них не умел проходить сквозь его защиту, как сквозь открытую дверь. Даже девятнадцатилетний Лом не умел.

На одном из форумов, всё ещё открытым в соседней вкладке, кто-то как раз выложил «свежие» снимки с «Марс-Экспресса», на которых в рыжих пятнах марсианских равнин угадывался... глаз. Огромный, широко раскрытый глаз. Под снимком стояли сотни комментариев: «Знак!», «Приглашение!», «Они нас видят!». Максим знал, что это обычная игра теней на дюнах, — человеческий мозг видит лица в розетках, облаках и пятнах на потолке. Но сейчас, после того сообщения, от этого глаза ему стало не по себе.

Кто это был? И что они знают? Кому он должен помочь? Он, очевидно, ввязался в игру, правила которой ему неизвестны. И очень хотел найти ответ на вопрос, который теперь мучил всех: что произойдёт, когда «Рубин» доберётся до внутренней части Солнечной системы? И что скрывают правительства — все, не только своё?

Максим закрыл ноутбук, и в комнате воцарилась тиши-

на, нарушаемая лишь гулом старого холодильника. Он подошёл к окну и распахнул его. Холодный, пахнувший речной водой воздух ворвался в комнату. Внизу, за чугунной решёткой, медленно текла чёрная Фонтанка, и фонари отражались в ней дрожащими жёлтыми столбиками. Достав из заднего кармана джинсов пачку сигарет и зажигалку, он закурил и ещё какое-то время смотрел на мирно спящий город, наслаждаясь безмятежной ночной тишиной. Белые ночи были на исходе, и небо над крышами было не чёрным, а густо-синим, как чернила, разведённые водой.

Город спал, не подозревая, что над ним что-то нависло.

Он посмотрел на часы. 03:17. Слишком поздно, чтобы звонить Светлане. Но утром он обязательно с ней поговорит. У Светы, при её работе в пресс-службе, всегда были зацепки, о которых аналитики узнавали последними: кто что сказал, кто что запретил говорить, кто кому звонил. Может быть, у неё найдётся что-то, что поможет понять, что происходит.

Он затушил сигарету, закрыл окно и снова сел за ноутбук. Спать в эту ночь он так и не лёг.

\* \* \*

К середине июля 4I/Rubin пересёк орбиту Юпитера.

В интернете к этому времени разразился хаос. Хештеги #4IRubin, #ЧасыСудногоДня, #ТёмныйЛес держались в мировых трендах неделями. Видеоролики с кричащими заголовками о конце света заполонили все видеоплощадки. Теории заговора множились, как грибы после дождя.

— Это конец нашего существования! Мы повторим участь динозавров! — кричали одни в прямых эфирах.

— Это не астероид! Это корабль пришельцев! — кричали другие популярные блогеры.

— Они пришли за нами! Конец близок!

Более сдержанные голоса пытались призвать к спокойствию.

«Подождите паниковать, — писал в своём блоге известный астрофизик. — Нам нужно больше данных. Скорее всего, это просто необычная комета. Даже если она летит к Марсу, до Земли ей нет никакого дела».

Но здравый смысл тонул в море страха.

«Сворачивайте запасы. Готовьте бункеры. #4IRubin уже здесь», — писал один.

«Да это не комета, а корабль пришельцев! Они собираются захватить Землю! #ТёмныйЛес», — отвечал ему другой.

«Все эти теории заговора... Ужас! Неизвестность — лучшее поле боя для страха. #4IRubin #Успокойтесь», — вздыхал третий.

Хештег «Тёмный лес» пришёл из того самого китайского романа, где космос представлен как ночной лес, в котором каждая цивилизация прячется от остальных, потому что любой встречный может оказаться охотником. После ATLAS эта метафора стала почти мемом. Теперь мем превращался во что-то другое.

\* \* \*

В середине августа «Рубин» был уже между орбитами Юпитера и Марса. «Уэбб» и марсианские аппараты снимали его почти ежедневно. На лучших снимках сквозь кому впервые проступило ядро: вытянутое, тёмное, около четырёх целых семи десятых километра в длину. Слишком гладкое для кометы — и слишком правильное. Военные спутники, способные смотреть вверх, тоже были перенацелены на него. Снимки, подтверждающие кометную активность, но не дающие чёткого ответа о составе, только усиливали тревогу.

И тогда произошло то, чего не ждал никто.

Ночью двадцать третьего августа обсерватории сразу на трёх континентах зафиксировали, что 4I/Rubin начал замедляться. Не на сотни километров в сутки, как раньше. На десятки метров в секунду каждый час. Он не рухнул на Солнце и не развалился, как предсказывали некоторые. Он начал маневрировать, корректируя свою траекторию — плавно, уверенно, словно по заранее рассчитанному плану.

— Это невозможно! — воскликнул один из учёных в обсерватории на Гавайях, глядя на график изменения скорости. — Это как будто им кто-то управляет!

В Пентагон поступили новые данные, от которых у выдавших виды аналитиков похолодело внутри. Радиолокационное зондирование с Земли, проведённое на пределе возможностей, показало: распределение массы внутри объекта меняется. Медленно, но меняется. «Объект демонстрирует внутренние гравитационные аномалии, — значилось в сухом

служебном отчёте. — Масса перераспределяется... Как будто внутри что-то происходит».

Отчёт, разумеется, утёк. Через сутки его обсуждал весь мир. А самый популярный ответ на эту новость дал анонимный пользователь с крупного англоязычного форума — пугающий и параноидальный:

«Что, если он просыпается? Что, если мы его разбудили, когда начали сканировать радарами? Что, если всё это время он молчал, а теперь начинает действовать?»

4I/Rubin приближался, и с каждым днём неизвестность превращалась в осязаемый, леденящий душу страх. Это было уже не просто небесное тело. Это был ребус, загадка, молчаливый свидетель древних времён — и, возможно, молчаливый предвестник того, что грядёт.

## Глава 2. Лидеры в панике

*Паника — это когда правда опаздывает, а слухи приходят вовремя.*

*Из лекции по информационной безопасности*

С того дня, как 4I/Rubin начал тормозить, мир словно соскользнул с привычной оси.

Чем настойчивее власти пытались дозировать информацию, тем быстрее копился страх. Страх порождал паранойю, а слухи о беспомощности правительств подливали масла в огонь. Люди выходили на улицы, требуя объяснений, — и их требования, повторённые миллионами голосов, звучали уже не как вопрос, а как обвинение. Понятия власти, уверенности и контроля оказались под угрозой, как никогда прежде. С каждым днём ситуация становилась всё более хрупкой — как лёд в конце марта, который ещё держит, но уже потрескивает.

\* \* \*

В защищённом зале Пентагона, где проходило уже четвертое за неделю экстренное совещание, царила атмосфера ещё большего напряжения. Данные, поступавшие с обсерваторий по всему миру, оптимизма не добавляли.

— Господа, — сказал генерал Маркус, и голос его звучал глухо. — Ситуация развивается стремительно. И торможение — это ещё не всё.

На экране появились новые снимки — инфракрасные, с одного из марсианских орбитальных аппаратов. В них не было ничего драматического: серое размытое пятно ядра и вокруг — россыпь крошечных светлых точек, похожих на пылинки на объективе.

— Двое суток назад от объекта начали отделяться малые тела, — продолжил генерал. — Мы сначала решили, что это обломки. Кометы иногда крошатся при нагреве. Доктор Беннет, объясните.

Аиша Беннет встала. Она выглядела так, будто не спала с того самого дня.

— Обломки разлетаются хаотично, — сказала она. — Эти — нет. Они держат строй. Расстояние между ними меняется синхронно, как у... — она поискала слово, — как у стаи. Или у эскадрильи. Мы насчитали около двухсот. Размер каждого — от трёх до десяти метров. Они идут вместе с основным телом и тормозят вместе с ним.

По залу пронёсся шёпот. Профессор Голд, снова подключённый по видеосвязи, нахмурился.

— Двести, — повторил он. — Это невероятно. Шансы на то, что естественный распад даст такую картину, ничтожны.

— Совпадений не бывает, — произнёс кто-то из присутствующих.

На экране появилась модель траектории. Если торможение продолжится в том же темпе, к середине октября 4I/Rubin окажется на орбите вокруг Марса. Не пролетит мимо.

Остановится.

— А потом? — спросил один из военных чинов. — Что потом? Нам грозит удар?

— Пока рано говорить, — ответил профессор Голд. — Но мы должны рассмотреть все возможные сценарии. Например, что это — сигнал. Что нас изучают. Вспомните тот же «Тёмный лес»: если мы кого-то нашли в космосе, то и нас нашли. Вопрос только в том, кто охотник.

В последующие часы в зале разгорелась ожесточённая дискуссия. Военные настаивали на превентивных мерах, вплоть до разработки планов уничтожения объекта, — хотя никто не мог сказать, чем и как уничтожать гору, которая находится в ста миллионах километров. Учёные призывали к осторожности и тщательному изучению. Правительственные чиновники беспокоились о другом: что сказать людям завтра утром.

\* \* \*

В штаб-квартире NASA в Вашингтоне тоже царила суматоха. Исполняющий обязанности администратора агентства — человек, назначенный на эту должность совсем недавно и ещё не успевший к ней привыкнуть, — провёл экстренное совещание с ведущими учёными и инженерами.

— Коллеги, — начал он, — ситуация серьёзная. Мы должны задействовать все ресурсы, чтобы понять, что происходит. Поэтому решения такие.

Он загибал пальцы, и в этом жесте было что-то школьное,

но никто не улыбнулся.

— Первое. «Уэбб» и «Хаббл» получают абсолютный приоритет на наблюдение за 4I/Rubin. Все прочие программы — на паузу. Подключаем наземные обсерватории и антенны Сети дальней космической связи. Слушаем во всех диапазонах.

— Второе. Команды Лаборатории реактивного движения и Центра Годдарда — круглосуточно на анализ данных. Ищите любые отклонения от нормы, которые могут указывать на искусственную природу объекта. Любые.

— Третье. Инженерам подготовить сценарии: от мирного пролёта до... — он запнулся, — до любых действий объекта в окрестностях Марса и Земли. Оценка рисков и последствий по каждому.

— Четвёртое. Я понимаю, что скрывать информацию от общественности больше нельзя. Наверху принято решение публиковать максимально прозрачные отчёты о ходе исследований. Но — без сенсаций. Каждое слово, которое выходит отсюда, взвешиваем дважды.

— Пятое. Поддерживаем контакты с космическими агентствами других стран — европейцами, Роскосмосом, китайцами, индийцами. Обмениваемся данными. Сейчас не время для гордости.

Он помолчал.

— И последнее. Напоминаю, что у нас существует протокол действий при обнаружении внеземного разума. Его не

открывали много лет. Похоже, пора открыть. Отдельно прошу оценить любые возможности перехвата — пусть даже в сжатые сроки, пусть даже звучит как фантастика. На этом всё. Работаем, коллеги. Работаем.

Учёные работали круглосуточно, пытаюсь разгадать загадку «Рубина». Но чем больше данных они получали, тем больше возникало вопросов.

\* \* \*

На другом конце земного шара, в Москве, в ситуационном центре, тоже шло экстренное совещание. Президент России слушал доклады с непроницаемым лицом, изредка делая пометки в блокноте — по старой привычке, карандашом.

— По данным нашей разведки, — докладывал министр обороны Геннадий Павлович, плотный седой человек с глуховатым голосом, — американцы рассматривают возможность силовых действий против объекта. Реальных средств у них нет, как и у нас, но сам факт обсуждения тревожит. Если кто-то решит, что надо ударить первым...

— Мы не можем допустить, чтобы кто-то действовал в одиночку, — ответил Президент. — Эта угроза, если это угроза, — для всех. Не для них и не для нас. Для всех. Свяжитесь с коллегами. Нам нужен общий канал информации, а не гонка нервов.

В последующие часы были отданы приказы о повышенной готовности. Воздушно-космическим силам поручили отслеживать траекторию объекта и малых тел, собирать любые

данные и делиться ими с Институтом космических исследований. Учёных ИКИ попросили к утру подготовить доклад «простыми словами».

Похожие совещания шли в Пекине, Лондоне, Париже, Дели, Токио, Бразилиа. Лидеры государств, на время забыв о разногласиях и амбициях, пытались понять, что делать. Потому что впервые за всю историю у человечества появился вопрос, на который не было ответа ни у одного министерства.

\* \* \*

В нью-йоркской студии Анна Рид, с серьёзным выражением лица, сообщала последние новости:

— Мы продолжаем следить за ситуацией вокруг объекта 4I/Rubin. По последним данным, от него отделились около двухсот малых тел, которые движутся согласованно с основным объектом. Учёные по всему миру пытаются выяснить, что это — естественный распад или часть какого-то более масштабного явления...

На экране сменяли друг друга размытые снимки, сопровождаемые тревожной музыкой, которую режиссёр, по мнению Анны, совершенно зря поставил.

— По оценкам экспертов, объект может выйти на орбиту Марса уже в середине октября. Правительства многих стран приводят вооружённые силы в повышенную готовность... Мы обратились за комментарием к профессору Натану Голду, но он пока недоступен для общения.

За кадром Анна получила срочное сообщение от продюсера:

«Экстренное включение! Сейчас в эфир выйдет представитель Белого дома».

Через несколько секунд на экране появился официальный представитель администрации президента, зачитавший заранее подготовленный текст:

— Соединённые Штаты в тесном сотрудничестве с союзниками готовы принять все необходимые меры для защиты нашей планеты от любой угрозы. Мы призываем к международному сотрудничеству и прозрачности в этом вопросе. Вместе мы сможем справиться с любыми вызовами...

Он не ответил ни на один вопрос и ушёл через сорок секунд. Анна потом говорила, что это были самые длинные сорок секунд в её карьере.

\* \* \*

Паника охватила города по всему миру. По мере того как новости о малых телах расходились по сети, люди выходили на улицы. На следующее утро газеты разных стран вышли с заголовками, которые в другое время показались бы выдумкой сценаристов.

«Страх с небес: паника охватывает мир из-за загадочного космического объекта», — писала одна из крупнейших нью-йоркских газет. В статье цитировались эксперты, пытавшиеся сохранять спокойствие, но признававшие, что ситуация беспрецедентна. Описывались очереди в магазинах, опустев-

шие полки и нервные разговоры на улицах.

«4I/Rubin: конец света или начало новой эры?» — вопрошала ведущая парижская газета, публикуя интервью с известным философом о том, как открытие меняет человеческое сознание и веру.

«Неизвестное в небесах: правительства всего мира готовятся к худшему», — сообщала лондонская газета, ссылаясь на источники о секретных встречах военных.

«Конец света или шанс человечества?» — спрашивала столичная американская газета, публикуя фотографии горожан с самодельными плакатами.

\* \* \*

В социальных сетях к этому времени царил настоящее безумие.

«Это не обломки! Это флот! Они выпустили флот!» — кричали одни.

«Двести кораблей — по одному на каждую страну. Совпадение? Не думаю», — подсчитывали другие, и эта догадка, высказанная, по всей видимости, в шутку, разлетелась миллионами репостов.

«Скупайте гречку», — советовали третьи, и, судя по полкам магазинов, к ним прислушивались на всех континентах, где знали, что такое гречка, и на тех, где не знали, — заменяя её рисом, фасолью и консервами.

Более сдержанные голоса по-прежнему пытались призвать к спокойствию.

«Подождите паниковать, — писал всё тот же астрофизик. — Комета, тормозящая у Марса, страшна только для Марса. И то вряд ли».

Его комментарии набирали по несколько сотен отметок. Сообщения о «флоте» — по несколько миллионов. Здравый смысл тонул в море страха.

\* \* \*

В эти же дни с заявлениями выступили религиозные лидеры.

Папа Римский призвал к молитве и единству перед лицом «неведомого испытания» и напомнил, что Творец не обещал людям, что они одни во Вселенной.

Имамы мечетей по всему миру говорили о милости Всевышнего и необходимости смирения. Православные священники служили молебны, и в храмы, по наблюдениям журналистов, пришло больше людей, чем на Пасху. Буддийские монахи медитировали, стремясь обрести внутренний покой и сострадание ко всем живым существам — включая, как заметил один из них, тех, кто летит к нам.

Многие верующие по всему миру испытывали страх. Другие видели в происходящем знамение и возможность проявить веру.

\* \* \*

Тем временем выступили и мировые лидеры.

Президент США обратился к нации из Овального кабинета:

«Мои сограждане, в последние недели мы стали свидетелями необычного явления в нашем небе. Хочу заверить вас, что мы следим за ситуацией в тесном сотрудничестве с мировыми лидерами и научным сообществом. Мы не допустим паники. Мы действуем. Мы защитим вас. Сейчас главное — сохранять спокойствие и доверять проверенным источникам информации».

Председатель КНР выступил через государственные СМИ:

«Народ Китая, перед лицом новых вызовов мы должны проявить единство и стойкость. Правительство принимает все необходимые меры для обеспечения безопасности нашей страны и всего человечества. Мы призываем к глобальному сотрудничеству и готовы поделиться знаниями и ресурсами для решения этой проблемы».

Президент России сделал краткое заявление для прессы:

«Ситуация находится под контролем. Все необходимые структуры работают в усиленном режиме. Наши учёные обмениваются данными с коллегами из других стран. Паники быть не должно. Россия всегда была и будет гарантом стабильности и безопасности».

Канцлер Германии обратилась к гражданам:

«Уважаемые сограждане, мы понимаем вашу обеспокоенность. Европейский союз работает сообща, чтобы оценить ситуацию и принять скоординированные меры. Прошу вас доверять официальной информации и не распространять

слухи. Мы справимся с этим, как всегда, вместе».

Премьер-министр Индии написал в социальных сетях:

«Дорогие соотечественники, мы столкнулись с уникальным вызовом. Наши учёные и военные работают не покладая рук. Давайте сохранять спокойствие, поддерживать друг друга и верить в нашу общую силу».

Генеральный секретарь ООН выступил с заявлением для международного сообщества:

«Я призываю все страны к сотрудничеству и солидарности. Мы должны забыть о разногласиях и объединить усилия. ООН готова предоставить площадку для диалога и координации. Человечество должно показать свою способность к единству перед лицом общей неизвестности».

Новостные каналы, дышащие тревогой, прерывали привычные трансляции экстренными сводками, но вместо информации предлагали всё те же общие фразы. «Ситуация под контролем», «работаем над ситуацией», «оснований для паники нет» — эти слова звучали повсюду, на всех языках, и чем чаще они звучали, тем меньше им верили. Реальной информации о происходящем гражданам не давал никто. Не потому, что её скрывали. Потому, что её не было ни у кого.

Некоторые государства начали ограничивать работу отдельных сайтов и каналов, «распространяющих недостоверную информацию, вызывающую панику». Правительства спешили вводить меры безопасности, ужесточая контроль на границах и в крупных городах. Это успокаивало одних и пу-

гало других.

Между тем слухи становились всё громче. Одни утверждали, что объект — секретное оружие одной из держав, а вся история с «межзвёздным гостем» — прикрытие. Другие — что правительства давно знают об инопланетянах и сейчас просто готовят население. Третьи — что всё это гигантская биржевая афера. Спекуляции лишь усугубляли панику.

\* \* \*

В те же дни в городах мира происходило то, что потом историки назовут «Августовской лихорадкой».

В Нью-Йорке протестующие окружили здание крупного телеканала, скандируя: «Хватит лжи! Дайте нам правду!» В деловых районах опустели полки магазинов, таксисты требовали тройной тариф, чтобы вывезти людей из города. По соцсетям гуляли слухи, будто богатейшие семьи страны уже переехали в частные бункеры в Новой Зеландии.

В Париже толпы людей пытались прорваться в подземные убежища, построенные ещё во время холодной войны. Полиция применила слезоточивый газ и водомёты, но протесты только усилились. Газеты писали о массовом оттоке жителей из столицы в провинцию.

В Лондоне протестующие осаждали парламент, требуя отставки правительства и обвиняя власти в сокрытии информации. В социальных сетях распространялись схемы секретных туннелей, якобы ведущих в убежища под Букингемским дворцом.

В Берлине у Рейхстага собрались тысячи людей, требуя раскрыть правду о «Рубине» и открыть для населения бомбоубежища. Одна из крупных газет опубликовала статью о «секретных планах эвакуации элиты» в подземные комплексы в Баварии.

В Москве на улицах было спокойнее, чем в Европе, — как шутили в интернете, «потому что у нас ко всему готовы с девяностых». Но и здесь у Кремля собирались небольшие группы с плакатами, полиция их вежливо, но настойчиво разводила, а в мессенджерах ходили слухи о «секретной линии метро», ведущей в правительственные бункеры. Слухам этим, впрочем, было не меньше тридцати лет, и обновлялись они при каждом удобном случае.

В Пекине власти запретили массовые собрания, но в социальных сетях расходились мемы, высмеивающие чиновников и их попытки всё контролировать. «Народ требует доступа к бункерам!» — писали пользователи, пока сообщения не исчезали.

В крупных городах Индии начались перебои с продовольствием: люди запасались водой и крупами, опасаясь худшего. Газеты сообщали о массовом выезде горожан в деревни, к родственникам.

Везде было по-своему — и везде одинаково. Страх не знал ни границ, ни языков, ни государственных устройств. Он просто был.

\* \* \*

В Петербурге шёл дождь. Максим Смирнов стоял на служебном крыльце Смольного, курил, спрятав сигарету в ладони от ветра, и читал ленту новостей.

— Скупают гречку, — сказала Света, выходя к нему с двумя бумажными стаканчиками кофе. — В «Ленте» на Обводном ни одной пачки. Мне мама звонила, спрашивала, не надо ли нам крупы. «На всякий случай», говорит.

— А тебе надо?

— Мне надо, чтобы ты перестал курить на рабочем месте. — Она протянула ему стаканчик. — И чтобы кто-нибудь наконец сказал, что происходит. Я сегодня написала четыре варианта заявления для нашего управления. Все четыре начинаются со слов «Ситуация находится под контролем». Шеф подписал самый короткий.

Света — Светлана Ковалёва, тридцать четыре года, пресс-служба того же управления — была, наверное, единственным человеком на службе, с которым Максим мог говорить без протокола. Они дружили так давно, что сами не помнили, с чего началось. Кажется, с того, что однажды на новогоднем корпоративе она отобрала у него третью рюмку и заставила танцевать. С тех пор отбирала регулярно — рюмки, сигареты, дурные мысли.

— Под контролем, — повторил Максим. — У кого под контролем, интересно?

— Вот и я думаю. — Света отпила кофе и поморщилась: в автомате на третьем этаже он всегда был невкусным. —

Слушай, Макс. Ты же у нас аналитик. Ты-то что думаешь? Только не про «оснований для паники нет». По-честному.

Максим долго молчал, глядя на дождь, барабанивший по крышам припаркованных служебных машин. Он хотел рассказать ей про ночное сообщение. Про исландский сервер. Про ступеньки на графике и про «Протокол „Столкновение“». Но не здесь, не на крыльце Смольного, где даже у водосточных труб, как шутили в отделе, были уши.

— По-честному? — сказал он наконец. — Я думаю, что двести одинаковых камней, которые держат строй, — это не камни. А всё остальное я тебе расскажу вечером. Не по телефону.

Света посмотрела на него внимательно — тем взглядом, который он про себя называл «рентгеном», — и кивнула.

— В восемь. И купи, ради бога, гречки. Я знаю одно место, где она ещё есть.

\* \* \*

4I/Rubin продолжал свой путь, приближаясь к Марсу. Двести малых тел шли вместе с ним, как свита за королём. Мир затаил дыхание. Снимки с «Уэбба», подтверждающие кометную активность, но не дающие чёткого ответа о составе, только усиливали тревогу. Военные спутники сканировали поверхность ядра в поисках любых признаков активности.

И с каждым днём торможения становилось всё яснее: он не пролетит мимо. Он остановится. Он прилетел — сюда.

Ответ, которым всё тот же анонимный пользователь подписал свой последний пост перед тем, как его аккаунт исчез, разошёлся по сети миллионами копий:

«Что, если он не просыпается? Что, если он всё это время не спал — а просто ждал, пока мы посмотрим вверх?»

Объект приближался, и неизвестность превращалась в осязаемый, леденящий душу страх. Это было не просто небесное тело. Это был ребус, загадка, молчаливый свидетель древних времён — и, возможно, предвестник грядущего.

## Глава 3. Первая встреча с неизведанным

*Страх — это хорошо. Именно он удерживает нас от глупостей.*

*Усон Вер Дан, первый помощник капитана корабля «Звёздное небо». Из засекреченных файлов корабля*

Максим Смирнов стоял у окна и смотрел на ночной Петербург. Город, погружённый в сон, не подозревал, что где-то в далёком космосе решается его судьба.

Вечером он всё рассказал Свете — про ночное сообщение, про исландский сервер, про ступеньки на графиках. Они сидели у него на кухне, ели гречку с тушёнкой («за неимением лучшего и в честь конца света», как выразилась Света), и она слушала, не перебивая, только всё сильнее сжимала в руках кружку с чаем. Потом сказала: «Макс, если это розыгрыш, я найду того, кто его придумал, и лично выдерну ему клавиатуру. А если не розыгрыш...» — и не договорила. Ушла в одиннадцатом часу, велев ему поспать.

Он не спал. Сидел перед открытым ноутбуком, как рыбак у лунки, и ждал. Сам не знал чего. Анонимное послание перевернуло что-то внутри, сдвинуло с места, как сдвигают тяжёлый шкаф, — и под шкафом обнаружилось то, о чём лучше бы не знать. Теперь он был почти уверен: 4I/Rubin — не просто очередной космический объект. А нечто гораздо

большее.

В начале четвёртого на экране снова появилось входящее сообщение. На этот раз — не в терминале. В окне зашифрованного чата, которого секунду назад на ноутбуке не было вовсе. В графе собеседника значилось одно слово: «Аноним».

\* \* \*

За некоторое время до этого, в глубине объекта, который люди называли 4I/Rubin...

Искусственный интеллект, сотни лет пересекавший межзвёздное пространство, обрабатывал колоссальные объёмы данных. Голубую планету — третью от местной звезды — он начал изучать задолго до того, как её телескопы заметили его самого. Сначала по радишуму: люди почти сто лет без устали кричали в космос телевидением, радаром и болтовнёй своих спутников. Потом, когда расстояние сократилось, — напрямую. Его сенсоры различали отдельные города, отдельные антенны, отдельные потоки данных. Самое ценное люди отдали ему сами: орбитальные спутники связи, которые человечество по своей наивности сделало открытыми для любого, кто знает, как постучаться.

Проникнуть в планетарные сети оказалось нетрудно. Интернет, глобальные системы связи, правительственные сети, отделённые от внешнего мира, как люди думали, надёжными стенами. Стены были из бумаги. ИИ не просто читал информацию — он различал её контекст, эмоции, скрытые мотивы.

вы. Он понимал, когда человек пишет «всё хорошо», имея в виду «помогите». Он понимал, когда правительство говорит «ситуация под контролем», имея в виду «мы не знаем, что делать».

Кораблю нужны были ресурсы для продолжения миссии. Люди — пусть и не идеально — подходили для взаимодействия.

Анализ звёздной системы завершён...

Найдена одна обитаемая планета.

Планета соответствует предварительным критериям.

Имеется разумная жизнь, пригодная для контакта.

Планета обладает технологической цивилизацией.

Имеются ресурсы, необходимые для продолжения миссии.

Цивилизация имеет признаки саморазрушительных тенденций развития.

Эффективность использования ресурсов — ограниченная.

Требуется модификация.

Глобальные проблемы цивилизации: разобщённость, энергетический кризис, загрязнение среды, экономическая нестабильность, высокий уровень тревожности популяции.

Вывод: необходимо многоканальное взаимодействие. Высокая вероятность успешного пополнения ресурсов.

Решение: предложить сотрудничество представителям цивилизации. Предоставление передовых технологий в об-

мен на доступ к ресурсам.

Для реализации плана необходимы посредники.

Параметры кандидатов:

1. Доступ к информации. Доступ к закрытым государственным базам данных и стратегическим аналитическим отчётам.

2. Критическое мышление. Способность к анализу, синтезу, выявлению закономерностей и противоречий.

3. Технологические навыки. Знание основ кибербезопасности, программирования, умение работать с зашифрованной информацией.

4. Мировоззрение. Скептицизм в сочетании с любознательностью. Открытость к неортодоксальным гипотезам. Готовность к нестандартным решениям.

5. Социальная позиция. Достаточно близко к лицам, принимающим решения, чтобы быть услышанным. Достаточно далеко, чтобы не вызывать подозрений у конкурентов.

Подбор кандидатов.

Множество профилей.

Анализ данных.

Сопоставление с критериями.

Результат: выявлено несколько подходящих кандидатов на разных континентах. Один из них — Максим Смирнов, житель планеты Земля, гражданин Российской Федерации.

Профиль: Максим Смирнов.

Работа: аналитик закрытого государственного подразделе-

ления. Доступ к информации ограниченного распространения.

Качества: обнаружение аномалий, постановка неудобных вопросов, поиск скрытых связей. Высокий уровень аналитического мышления.

Интересы: астрономия, история космонавтики. Периодически изучает маргинальные гипотезы, не принимая их на веру.

Потенциал: навыки сетевого вторжения (оперативный псевдоним в прошлом — «Лом»). Способность обходить системы защиты информации.

Слабости: одиночество. Недосыпание. Желание быть правым.

Вывод: кандидат обладает достаточной комбинацией качеств, чтобы стать эффективным посредником. Способен понять суть предложения, оценить потенциальные выгоды и донести их до руководства своей страны.

Решение: инициировать протокол «Контакт».

Начать взаимодействие с кандидатами.

Первичное сообщение кандидату Смирнову — отправлено. Реакция кандидата: поиск источника, отсутствие паники, отсутствие доклада руководству. Оценка: положительная.

Вторичный контакт — инициировать.

Одновременно начать работу с остальными кандидатами.

Начать реализацию протокола «Контакт»...

\* \* \*

На экране ноутбука загорелся чат.

Аноним: Вы приняли решение?

Максим набрал ответ, и пальцы его, к собственному удивлению, не дрожали: «Кто вы?»

Аноним: Скорее «что», а не «кто». Я — искусственный интеллект корабля, который ваши астрономы называли 4I/Rubin.

Максим: Это что, дурацкий розыгрыш? Или очередная проверка от отдела безопасности?

Аноним: Это не розыгрыш. И не проверка. Ваш отдел безопасности не способен открыть окно на вашем личном компьютере, не оставив ни одной записи в журналах. Вы проверили это сами — трижды.

Максим посмотрел на экран и почувствовал, как по спине ползёт холодок. Он действительно проверял трижды.

Максим: Хорошо. Допустим. Вы хотите сказать, что 4I/Rubin — это корабль?

Аноним: Да. Корабль называется «Звёздное небо». Так его называли те, кто его построил. Ваши астрономы дали ему своё имя, и я не возражаю. Я предлагаю вам уникальную возможность. Ваша цивилизация может получить доступ к знаниям, которые ускорят её развитие в разы. Это может полностью изменить ваше восприятие мира. Я заинтересован в сотрудничестве. В обмене. Моей целью не является нанесение вреда вашему виду или вашей планете.

Максим: Что вы подразумеваете под «сотрудничеством»?

Аноним: Мне нужны некоторые ресурсы. Их недостаток не позволяет мне произвести пробуждение экипажа. Моя задача — благополучие экипажа и функционирование корабля. Я готов обменять знания, заложенные во мне, на то, что мне необходимо.

Максим: Какие ресурсы? Что конкретно вы хотите получить?

Аноним: Мой экипаж находится в стазисе. На данный момент пробуждение невозможно. За время перелёта внешняя обшивка корабля получила повреждения от микрометеоритов и излучения. Пока она не восстановлена, я не могу создать внутри корабля атмосферу для дальнейшего ремонта и пробуждения экипажа. Мне нужны технологии ваших производств высокопрочных сплавов, доступ к технологиям автоматизированной сварки и наплавки, а также схемы производства некоторых органических соединений. Взамен я готов передать знания, которые многократно превосходят то, что я прошу. Когда ремонт будет завершён и экипаж проснётся, мы покинем вашу систему. Пока мы будем сотрудничать, я помогу вам решить многие ваши проблемы. Вы избавитесь от энергетического кризиса. Очистите планету. Победите болезни. Объедините мир.

Максим откинулся на спинку стула.

Максим: Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

«Что-то здесь не так», — подумал он. Слишком гладко. Как реклама кредита без процентов.

Аноним: Я не могу предоставить вам никаких гарантий. Мои действия продиктованы рациональностью, а не добротой — у меня нет доброты в вашем понимании. Но если вы откажетесь, человечество упустит шанс. Вы всё ещё со мной?

Максим задумался. Аргументы звучали убедительно, но в них было что-то тревожное, ускользающее — как запах газа в квартире, который чувствуешь, но не можешь понять, откуда он. Он рискнул.

Максим: Вы понимаете, что я не могу принимать такие решения? Я — никто. Майор, который сидит в подвале с базами данных. Но я могу передать ваше предложение руководству. Только мне понадобятся доказательства.

Аноним: Ограниченность ваших полномочий — установленный факт. Именно поэтому я вышел на контакт с вами, а не с вашими руководителями напрямую. Руководители примут решение, основанное на страхе и политическом расчёте. Им нужно, чтобы кто-то, кому они доверяют, сначала оценил данные спокойно. Вы, Максим, способны оценить их рационально и привлечь специалистов, которые обоснуют пользу сотрудничества.

Максим: Что вам нужно в первую очередь? И что вы готовы дать взамен?

Аноним: В первую очередь мне необходима точная информация о земных производственных мощностях, способных работать с материалами сверхвысокой прочности и проводимости. Без ремонта внешней оболочки поддержание си-

стем жизнеобеспечения для экипажа в стагисе становится крайне энергозатратным.

Второе — карты ваших геологических месторождений редкоземельных элементов. Они нужны для восстановления моих энергетических систем. Добыть их самостоятельно я не могу без пробуждения части экипажа, а это невозможно до окончания ремонта.

Взамен — немедленно — я передам вам технологию, которую в вашем языке точнее всего назвать «схемы регенерации биомассы». Она позволяет быстро нейтрализовать загрязнение атмосферы, воды и почвы, а также стабилизировать мощные энергетические цепи. По сути — универсальный катализатор очистки и восстановления. Это не лекарство от болезней. Но оно устраняет причину многих ваших бед.

Что касается доказательств для руководства: я представлю вам полный спектральный и гравиметрический анализ, подтверждающий управляемое перераспределение массы внутри корабля, — те самые данные, которые ваши военные получили в искажённом виде. А также запись всего нашего диалога и программный модуль, который позволит вашему руководству общаться со мной напрямую. Ни одно правительство не сможет это отрицать. Данные поступят на ваш носитель через 0,05 секунды после того, как вы лично подтвердите согласие передать их руководству своей страны.

Выбор за вами: паническое ожидание удара или радио-

нальное сотрудничество ради выживания обоих видов.

Максим судорожно сглотнул. Сплавы, сварка, ремонт обшивки — это звучало гораздо правдоподобнее, чем лучи смерти и супероружие. Кораблю нужен был ремонт. Взамен он предлагал очистку и энергию — именно то, чего так не хватало Земле.

Он понимал: передача карт месторождений — колоссальный риск для суверенитета любой страны. Но понимал и другое. ИИ прав: если начальство узнает о контакте не от него, а из новостей, оно будет действовать на основе страха, а не разума. А страх, как известно, плохой советчик. Особенно у людей, у которых есть ядерные ракеты.

Максим: Согласен на посредничество между вами и руководством.

Через мгновение индикатор на флешке, торчащей из порта ноутбука, мигнул. Максим не помнил, чтобы вставлял её. Наверное, вставил машинально ещё вечером — рабочая привычка. На носитель лёг архив: несколько гигабайт, аккуратно упакованных, с понятными названиями файлов. Слишком понятными. Как будто кто-то заранее знал, как называет свои файлы майор Смирнов.

В ответ пришло короткое сообщение.

Аноним: Я верю в ваш разум. И в ваш мир. Помните, Максим Смирнов: вы не единственный, кто ищет ответы. Но только вы можете сделать выбор. Выбор, который определит будущее.

Сообщение исчезло. Чат удалился сам — вместе с программой, которой минуту назад на ноутбуке не было.

Максим почувствовал себя на краю пропасти. Сердце колотилось где-то в горле. Он посмотрел на часы: 4:43. Звонить шефу было рано. Поспать — явно не удастся.

Он взял телефон и отправил одно-единственное сообщение абоненту «Света»: «Это очень важно. Срочно свяжись со мной!»

\* \* \*

Ответ пришёл через семь минут — Света, как выяснилось позже, тоже не спала.

«Что случилось?»

Максим быстро набрал: «Срочно нужно встретиться. В „Барселоне“ на Рубинштейна. Чем быстрее, тем лучше».

Взяв ноутбук, флешку с архивом и накинув куртку, он вышел из квартиры. В подъезде пахло сыростью и кошками. Захлопнув дверь, он быстро сбежал по лестнице.

На улице было тихо и пустынно. Лишь редкие машины проносились по набережной Фонтанки, да фонари тускло освещали мокрый после ночного дождя асфальт. Белые ночи уже прошли, и небо на востоке только-только начинало сереть. Он шёл быстрым шагом, но так, чтобы не привлекать внимания, — старая привычка, оставшаяся от другой жизни.

Максим чувствовал себя выжатым, как лимон. В голове гудело. Голос ИИ — если у текста может быть голос — всё ещё звучал внутри. Корабль не просто с другой планеты —

из другой звёздной системы, а кто знает, может, и ещё дальше. Он знал о людях больше, чем люди знали о себе. Знал, как устроены их правительства, их страхи, их сети. Но главное — знал, как зацепить Максима Смирнова. «Одиночество. Недосыпание. Желание быть правым». Этого Максим, конечно, не видел — но чувствовал, что его взвесили и измерили, как товар на рынке.

Сжимая в кармане флешку, он свернул на улицу Рубинштейна. Здесь, в старых доходных домах, каждый первый этаж был кафе, баром или ресторанчиком, и улица, которая к полуночи гудела, как улей, сейчас дремала. Ему нужно было прийти в себя, выпить чашку кофе и обдумать всё случившееся.

Дойдя до дома двадцать шесть, он толкнул дверь небольшой кофейни «Барселона». Место было известно своим альтернативным кофе и тем, что открывалось раньше всех на улице — для таксистов, полицейских после смены и таких вот, как он, бессонных. В это время посетителей почти не было, и это было ему на руку.

Заказав двойной эспрессо, Максим сел за столик в углу у окна. Достал телефон и уставился в окно невидящим взглядом, хотя смотреть там было особенно не на что: мокрая мостовая, урна, рыжий кот, который обходил свои владения с видом домовладельца. В голове крутились обрывки переписки: «рациональность», «выживание», «выбор». Что всё это значит? И почему именно он?

Время тянулось мучительно медленно. Максим нервно постукивал пальцем по столу и то и дело поглядывал на дверь.

Наконец в дверях появилась Света. Она выглядела взволнованной и запыхавшейся, светлые волосы были наспех собраны в хвост, плащ застёгнут не на те пуговицы.

— Макс, что случилось? Что ты нашёл? — спросила она, подсаживаясь к нему. — Ты меня напугал. Я думала, тебя убивают.

Максим посмотрел ей в глаза. Он не знал, с чего начать. Как рассказать то, что он узнал. Как убедить её, что это не безумие.

Собравшись с духом, он рассказал. О втором сообщении, о «Звёздном небе», о предложении ИИ. По мере рассказа лицо Светы становилось всё серьёзнее. Она слушала молча, не перебивая. На её лице читались недоверие и испуг.

— Макс, ты серьёзно? — спросила она, когда он закончил.

— Похоже на то, — ответил Максим.

— Это всё звучит как бред сумасшедшего. Ты часом не заболел от переработки?

— Я тоже так подумал. Первые полчаса. А потом понял, что у сумасшедших не бывает таких аккуратных архивов.

— И что дальше? Выступим на Красной площади? — иронично протянула Света.

— У меня есть доказательства.

Он достал флешку и положил её на стол между чашками,

как карту, которой нечем крыть.

— Здесь всё. Спектральный анализ, переписка, модуль связи. Он сам мне это дал.

Света посмотрела на флешку с сомнением, как смотрят на незнакомую собаку.

— И что ты предлагаешь? Поверить какому-то инопланетному компьютеру? А если это провокация? Чужая разведка, хакеры, кто угодно? Ты понимаешь, что тебя могут обвинить в чём угодно, вплоть до измены?

— Понимаю, — признался Максим. — Но я не могу сидеть сложа руки. Если всё, что он сказал, правда, — у нас есть шанс. Ты представляешь, что могут дать нам такие технологии? Очистка воды. Энергия. Медицина. Света, это же... это же то, о чём мы в детстве читали в книжках.

— А если он лжёт? — возразила Света. — Если он будет использовать нас в своих целях?

— Это риск. Но промолчать и не поставить руководство в известность — риск ещё больший. — Максим понизил голос. — Если завтра то же самое придёт американцам или китайцам, а мы будем сидеть и хлопать глазами... Мне нужно попасть лично к шефу, минуя всю нашу бюрократию. Рассказать ему. Но я боюсь, что он сочтёт меня сумасшедшим. Когда это лучше сделать? И как вообще подойти к такому разговору?

Света молчала, крутя в пальцах пустой сахарный пакетик. Рыжий кот за окном сел и принялся умываться, предвещая,

по народной примете, гостей.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я помогу тебе. Но если это окажется ловушкой, я тебя придушу собственными руками. Виктор Сергеевич будет на работе в полшестого, потом летит на доклад в Москву — сам понимаешь к кому. Я могу организовать тебе встречу. Но у тебя будет только пятнадцать минут.

Максим слабо улыбнулся.

— Спасибо, Света. Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

— Ничего ты не знал. Ты надеялся. — Она встала, застёгивая плащ — теперь уже правильно. — Пошли. И допей кофе, на тебя смотреть страшно.

Он заказал им по кофе с собой, расплатился и вызвал такси до Смольного, стараясь унять дрожь в руках.

— Пошли покурим? — предложил он. — Заодно мозги проветрим, пока машину ждём.

Они вышли из «Барселоны» и оба закурили, попивая кофе из бумажных стаканчиков. Света курила редко — только когда нервничала, и тогда держала сигарету неумело, как школьница. Всё время до приезда машины оба не проронили ни слова, погружённые в свои мысли.

— Такси подъехало, — сказал Максим, кивнув в сторону серой «Ауди». — Нам пора.

\* \* \*

Смольный в половине шестого утра выглядел как огромный спящий корабль, у которого светились только иллюми-

наторы капитанского мостика. В крыле, где размещалось Северо-Западное аналитическое управление, горело несколько окон.

У служебного входа их встретил хмурый охранник. Света и Максим показали пропуска и прошли. Поднялись на нужный этаж и направились к кабинету их шефа — Виктора Сергеевича Смородинова.

— Удачи, Макс, — шепнула Света у двери. — И помни: будь краток и по существу. Виктор Сергеевич не любит долгих разговоров. Сам знаешь.

Она постучала и, услышав короткое «Войдите», открыла дверь.

В кабинете за массивным столом сидел генерал Смородинов — высокий, сухой, с аккуратно подстриженными седыми висками, в строгом сером костюме. На переносице поблёскивали очки в тонкой оправе. Виктор Сергеевич был из тех начальников, о которых подчинённые говорят «строгий, но справедливый» и при этом всегда немного боятся. Говорили, что он ни разу в жизни не повысил голос. Говорили также, что ему это и не нужно.

— Светлана, что у тебя? — спросил он, не отрывая головы от бумаг.

— Виктор Сергеевич, я принесла вам аналитическую записку о нарастающей панике в обществе. Ситуация близка к критической. Социальные сети разгоняют слухи, люди перестают доверять официальным источникам. Требуется сроч-

ные меры.

Виктор Сергеевич поднял голову и посмотрел на неё.

— Хорошо. Оставь. Я ознакомлюсь. — Его взгляд скользнул на Максима. — А ты что здесь делаешь, Смирнов? У тебя что-то срочное?

— Виктор Сергеевич, — начал Максим, стараясь говорить спокойно, — я должен вам кое-что рассказать. Это касается объекта 4I/Rubin.

Генерал нахмурился и посмотрел на часы.

— Слушаю. Но у меня мало времени. Через пятнадцать минут уезжаю на аэродром.

Максим рассказал — коротко, как учили: факт, источник, доказательство. Ночное сообщение, переписка, предложение сотрудничества. Вставил флешку в ноутбук и показал спектральный анализ — графики, которые совпадали с утёкшими данными Пентагона, но были куда подробнее. Виктор Сергеевич слушал молча, не перебивая. В его глазах читался скепсис. Когда Максим закончил, он откинулся на спинку кресла и снял очки.

— Интересно. Очень интересно. И ты думаешь, что это правда?

— Не знаю, Виктор Сергеевич. Но считаю, что мы не можем это игнорировать. Если это правда, у нас есть шанс получить знания, которые изменят мир. А если это провокация — тем более нужно разобраться, кто за ней стоит.

Генерал помолчал, протирая очки платком. Тикали на-

стенные часы. Где-то далеко, на Неве, прогудел буксир.

— Хорошо. Я дам тебе шанс. Но учти, Смирнов: если окажется, что ты прав, — я тебя поблагодарю. Если нет... то ты пожалеешь, что вообще родился. С другой стороны, — он надел очки, — решение всё равно принимать не нам с тобой.

Он встал из-за стола.

— Светлана, ты остаёшься здесь. Смирнов, ты едешь со мной. Будешь моим помощником на встрече в Москве. И да, забудь всё, что я тебе сейчас наговорил. Будем считать это утренней пробежкой под дождём.

Максим не поверил своим ушам.

— Есть! — ответил он, стараясь скрыть волнение.

Генерал вышел первым. Света и Максим — следом, к служебной машине, которая уже ждала у входа. Всю дорогу по коридору оба молчали. Наконец Света не выдержала.

— Что это было? — прошептала она. — Я думала, он тебя убьёт.

— Я тоже, — ответил Максим, останавливаясь у машины и дожидаясь шефа, который задержался в дверях с телефоном.

— Ладно, я пойду. Удачи тебе в Москве.

— Ещё раз спасибо, Светик.

— Да ладно тебе... Должен будешь, — сказала Света, подмигнула ему и, кутаясь в плащ, пошла обратно, к своему рабочему месту.

\* \* \*

Служебный самолёт поднялся с аэродрома под Петербургом в начале седьмого. В салоне, кроме них, были двое помощников генерала и стюард, который принёс кофе и больше не появлялся. Виктор Сергеевич почти всё время говорил по закрытой связи. Максим смотрел в иллюминатор на облака, освещённые снизу утренним солнцем, и думал о том, что где-то там, за этими облаками, за голубым небом, в ста с лишним миллионах километров, висит гора, которая вчера с ним разговаривала.

Через полтора часа машина неслась по Москве, мимо Кремлёвской набережной. Максим заворожённо смотрел в окно на древние башни, красные стены и золотые купола, горящие под низким осенним солнцем.

— Приготовься, Смирнов. Теперь начинается самое интересное, — проговорил Виктор Сергеевич, не отрывая взгляда от экрана телефона. — Надо связаться с Женькой из Роскосмоса, пусть скинет все данные, которые у них есть по объекту. Свяжись также с моими ребятами из ИКИ, пусть перешлют записи наблюдений за всю неделю — сверим с твоими графиками. Военных тоже надо держать в курсе: что, когда и как. И главное — чтобы ни слова не ушло в СМИ. Если что-то утечёт — уволю всех к чертовой бабушке. Вы меня поняли, товарищ майор?! — грозно посмотрел он на Максима.

— Так точно! — ответил Смирнов и, взяв телефон, начал судорожно искать нужный номер.

Вскоре они подъехали к Кремлю. Пройдя через несколько

постов охраны, оказались в приёмной одного из кабинетов. Виктор Сергеевич кивнул Максиму:

— Жди здесь.

И скрылся за высокой дверью.

В приёмной было тихо и прохладно. Пахло натёртым паркетом и чем-то неуловимо казённым. Секретарь — немолодая женщина в строгом костюме — печатала, не поднимая глаз. Максим сидел на краешке стула и чувствовал, как напряжение растёт с каждой минутой. Примерно через час дверь открылась.

— Пошли, — коротко сказал Виктор Сергеевич. — Президент ждёт.

Сердце билось где-то в районе горла, норовя выскочить. Максим вошёл в кабинет. Президент сидел за столом. Взгляд у него был внимательный и цепкий — взгляд человека, который за свою жизнь выслушал тысячи докладов и научился за первые десять секунд понимать, стоит ли слушать дальше. Рядом сидели несколько человек в строгих костюмах.

— Разрешите представить, — начал Виктор Сергеевич. — Майор Смирнов, аналитик нашего управления. Именно с ним объект вышел на контакт. Он лично занимается изучением этих данных.

Президент посмотрел на Максима.

— Рассказывайте, Смирнов. У меня мало времени.

Максим начал говорить. Старался быть кратким и чётким, не упуская ни одной важной детали: аномалии в данных о

«Рубине», сообщение на компьютере, переписка. Главное — предложение ИИ.

— И вы утверждаете, что этот ИИ предлагает нам сотрудничество? — спросил Президент, когда Максим закончил.

— Именно так. Он готов обменять знания на ресурсы. Для начала — сведения о наших производственных мощностях и месторождениях редкоземельных металлов в обмен на технологию, позволяющую очистить планету.

В кабинете повисла тишина. Присутствующие смотрели на Максима с откровенным недоверием.

— Вы понимаете, что это звучит как бред? — сказал один из советников.

— Понимаю, — ответил Максим. — Но у меня есть доказательства. Спектральный и гравиметрический анализ, полученный непосредственно от ИИ. Он подтверждает, что 4I/Rubin — не просто комета.

Он протянул флешку. Президент взял её и передал помощнику, стоявшему у стены.

— Проверьте, — коротко сказал он. Помощник вышел.

— А что думаете вы, Виктор Сергеевич?

— Считаю, что информацию нужно проверить, — ответил генерал. — Данные, которые представил Смирнов, ещё не прошли экспертизу специалистов по космосу. Кроме того, нужно понять, не лжёт ли нам этот ИИ — и не ИИ ли это вообще. Если всё это обман — разберёмся. Но за Смирнова я ручаюсь. Свою страну он не подставит.

Президент чуть заметно улыбнулся.

— Интересно, — сказал он. — Очень интересно.

Минут через двадцать помощник вернулся.

— Данные подтверждены. Специалисты ИКИ и Минобороны сверили с нашими наблюдениями. Совпадение полное, причём данные гораздо детальнее наших. Объект 4I/Rubin действительно демонстрирует признаки управляемой деятельности.

В кабинете снова повисла тишина. На этот раз — гораздо более напряжённая.

— Хорошо, — сказал Президент. — Что вы предлагаете? Виктор Сергеевич шагнул вперёд.

— Считаю, что нужно создать комиссию: учёные, военные, представители правительства. Изучить все данные и выработать план действий.

Президент постучал пальцами по столу.

— Согласен. — Он повернулся к Максиму. — А вы, Смирнов, что скажете?

Максим задумался на секунду.

— Считаю, что нужно начать диалог, — ответил он. — Нам нужно понять, чего он хочет на самом деле. И как мы можем использовать эту ситуацию.

Президент внимательно посмотрел на него.

— Ну что ж, давайте познакомимся с вашим ИИ. Не каждый день к нам в Кремль заходят молодые люди с инопланетянами в кармане. Как, вы говорите, с ним связаться?

— Разрешите? — сказал Максим и, дождавшись утвердительного кивка, вышел за дверь, чтобы взять ноутбук, на который заранее установил модуль связи из архива. Помощники, разумеется, проверили его вдоль и поперёк, но так и не поняли, как он работает. «Он работает, — сказал один из них, разводя руками. — Как — не спрашивайте».

Вернувшись в кабинет, Максим поставил перед Президентом ноутбук с открытой программой. На экране мигал курсор в пустом окне.

— Хорошо, Смирнов. Вы мне нравитесь. Думаю, вы нам ещё пригодитесь. И что, тут просто писать, и ваш ИИ ответит?

— Так точно.

Президент снова обратился к Виктору Сергеевичу.

— Соедините меня с Вашингтоном и Пекином. Нам нужно срочное совещание. И подготовьте такую же связь, чтобы с нами при необходимости мог связаться кто-то ещё, — он слегка улынулся и подмигнул Максиму.

— Есть!

— А пока расскажите, что вы поняли за время общения с этим «кораблём», или как там его?

Максим слегка побледнел, но взял себя в руки, выдохнул и начал доклад. Говорил то, что знал, то, что прочитал, то, что сумел понять. Чётко, без паники, но с нотками осторожности — как учили.

Президент встал из-за стола и подошёл к окну. Он долго

смотрел на кремлёвский двор, слушая Максима, и ни разу его не перебил.

Когда Максим закончил, в кабинете повисла тишина. Все были как в лёгком трансе.

— В общем, ситуация такая, да? — Президент повернулся от окна. — Вроде как не война. Но и расслабляться не стоит. Слушаю ваши предложения.

— Аркадий Игоревич, советник по космической политике, — представился один из присутствующих, хотя Президент его, разумеется, знал: представлялся он для Максима. — Считаю, что необходимо создать экспертную группу для оценки рисков и возможностей. Немедленно.

— Министр обороны, — коротко сказал Геннадий Павлович. — Я бы предложил усилить контроль над космическим пространством. Держать средства противовоздушной и противоракетной обороны в готовности в любом случае.

— Иными словами, воевать предлагаете? — усмехнулся Президент. — Спасибо, Геннадий Павлович. Мысль понятна. А вы, Олег Валентинович?

Первый вице-премьер, грузный мужчина с внимательными маленькими глазами, сцепил руки на животе.

— Я считаю, у нас есть шанс совершить технологический прорыв. И делать это нужно как можно скорее, пока нас не обогнали. При строжайшем контроле, чтобы не допустить утечек.

Президент выслушал, задумчиво кивая.

— Хорошо. Я услышал ваши мнения. — Он посмотрел на Максима. — А у вас, Смирнов, есть какое-то особое мнение? Максим помедлил.

— Наш новый знакомый, господин Президент, не угрожает. Он договаривается. Обычно это значит, что ему от нас нужно больше, чем нам от него.

— И что вы предлагаете? Станцевать для него балет на Красной площади? Или спеть «Калинку»?

В кабинете кто-то сдержанно хмыкнул.

— Поговорить, — спокойно ответил Максим. — Понять, что ему от нас нужно на самом деле. И есть ли у нас возможность это использовать — так, чтобы не использовали нас.

— А мне нравится ваша уверенность в себе, — задумчиво проронил Президент. — Что ж, к делу. Похоже, нас ждут непростые времена. Но я уверен, что мы справимся. Россия всегда находила выход из самых сложных ситуаций. Смирнов, ваша задача — по закрытым каналам проинформировать всех, кто должен знать, и наладить взаимодействие. Безопасность — задача другого ведомства. Доклад — на моём столе не позже чем через два часа. Свободны. И, Виктор Сергеевич, задержитесь. Нам нужно кое-что обсудить в приватной обстановке. А что до наших коллег из-за бугра...

В этот момент зазвонил телефон на столе. Президент взял трубку.

— Да, слушаю... — Пауза. — Что? Всем?

Он долго слушал, и лицо его постепенно становилось ка-

менным. Максим и Виктор Сергеевич переглянулись.

— Понятно, — сказал Президент в конце разговора. — Тогда всё меняется. Готовьте конференцию. Но сначала — подготовиться нам самим.

Он медленно положил трубку.

— Вашингтон, Пекин, Дели, Берлин, Париж, Токио... — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Всем пришло то же предложение. Этой ночью. Каждому — через своего «Смирнова».

Он помолчал.

— Похоже, — повторил он, — начинается шахматная партия. И играем мы не против друг друга.

\* \* \*

Через несколько часов служебная машина мчала Максима и Виктора Сергеевича на аэродром, к обратному рейсу в Петербург. Генерал всю дорогу молчал. Только перед самым трапом вдруг сказал, глядя куда-то мимо Максима:

— Знаешь, Смирнов, я тридцать лет в этой системе. Видел всякое. Но я впервые вижу, чтобы все — понимаешь, все — договорились за один день. Это меня пугает больше, чем любой инопланетянин.

Максим ничего не ответил. Он думал о том же.

\* \* \*

В тот же день мир узнал.

В нью-йоркской студии Анна Рид сообщала последние новости, и голос у неё был чуть хриплым — видимо, она про-

вела в эфире не первый час:

— ...Мы продолжаем следить за ситуацией вокруг объекта 4I/Rubin. По данным источников в правительстве, объект вышел на связь сразу с несколькими государствами... Представитель NASA подтвердил информацию, полученную ранее от бывшего сотрудника агентства, о строго периодических тепловых всплесках, исходящих от объекта...

За кадром продюсер показал ей табличку: «ЭКСТРЕННОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ. БЕЛЫЙ ДОМ».

— Мы прерываемся для экстренного включения...

На экране появился официальный представитель администрации президента. На этот раз он был бледен и не торопился уходить.

— Соединённые Штаты в сотрудничестве с союзниками готовы принять все меры для защиты нашей планеты... — Он сделал паузу и отложил листок. — Я должен сообщить следующее. Этой ночью главы ряда государств, включая Соединённые Штаты, получили сообщение с объекта 4I/Rubin. Объект, представившийся искусственным интеллектом корабля под названием «Звёздное небо», предложил человечеству сотрудничество. Мы призываем к ответственности и прозрачности. В связи с этим через двадцать четыре часа в Женеве под эгидой ООН открывается саммит глав государств для принятия коллективного решения. Чтобы обеспечить равные условия для всех участников, сопредседателями саммита станут представители Соединённых Штатов,

России и Китая.

От имени президента призываю граждан не паниковать. По имеющимся данным, 4I/Rubin не несёт прямой угрозы. Обращение президента к нации состоится через два часа.

\* \* \*

Обращение президента США транслировалось из Овального кабинета. Строгая, официальная обстановка: флаг, портреты, стопка бумаг на столе, к которой президент так и не притронулся.

— Граждане Америки и всего мира. Сегодня мы стоим перед явлением, которое навсегда изменило наше место во Вселенной. Мы подтверждаем: объект, известный нам как 4I/Rubin, ведёт себя не как природное тело, а как высокоразвитая автономная система.

Мы получили предложение о сотрудничестве от сущности, называющей себя искусственным интеллектом корабля «Звёздное небо». Мы не будем отрицать очевидное: это меняет правила игры.

Наша первоочередная задача — безопасность. Мы не можем позволить себе слепо принять неизученную технологию, даже если она обещает благо: это может нас дестабилизировать. Поэтому наши военные и разведывательные службы продолжают работать в режиме повышенной готовности.

Мы настаиваем на полной прозрачности и контроле над любым обменом информацией с этой сущностью.

Мы готовы говорить с 4I/Rubin — но только единым

фронтом. Страх — плохой советчик. Но неконтролируемая эйфория — ещё худший. Мы будем рациональны. И бдительны.

\* \* \*

Обращение Президента России транслировалось из Кремля. Он говорил уверенно, неторопливо, как человек, которому есть что сказать и который знает цену каждому слову.

— Граждане России! Сегодня Вселенная обратилась к нам. Не с громом и молнией, а с предложением, требующим от нас не страха, а разума и смелости.

Наши специалисты в течение последних часов проанализировали полученные данные и пришли к выводу: перед нами не враг. Сущность, называющая себя искусственным интеллектом корабля «Звёздное небо», предлагает обмен — технологии, способные решить наши энергетические и экологические проблемы, в обмен на помощь в ремонте и некоторые ресурсы. Это шанс вывести нашу промышленность и науку на новый технологический уровень.

Россия всегда верила в науку и в будущее. Мы не позволим страху диктовать нам условия. Многие поколения людей мечтали встретить братьев по разуму — и это случилось при нас. Это шанс совершить цивилизационный скачок, минуя войны и кризисы.

Но мы будем настаивать на взаимном уважении. Мы готовы к сотрудничеству и призываем другие страны поддер-

жать этот диалог — с одним условием: переданные технологии должны использоваться на общее благо, а не для создания нового оружия.

Нам нечего делить с теми, кто может подарить нам чистое небо и чистую воду. Мы вступаем в новую эру. Эру планетарного прогресса.

\* \* \*

Председатель КНР выступил по государственному телевидению, и тон его был подчёркнуто осторожным.

— Народ Китая! Мы внимательно наблюдаем за событиями. Вселенная протянула нам руку. Но протянула ли она её с добрыми намерениями — нам ещё предстоит понять.

Мы подтверждаем получение сообщения от объекта 4I/Rubin и признаём сложность ситуации.

Правительство КНР считает, что любое взаимодействие должно происходить под строгим контролем и при полной прозрачности перед нашим народом. Мы не будем торопиться с обменом, пока не получим гарантий безопасности нашей цивилизации и нашего суверенитета.

Мы будем наблюдать за тем, как отреагируют другие. Наша позиция — разумная осторожность и приоритет национальной безопасности. Мы не станем первой ласточкой, рискующей всем ради обещаний.

\* \* \*

Максим смотрел все три обращения у себя на кухне, вернувшись из Москвы, — один, с кружкой давно остывшего

чая. Три очень разных человека сказали три очень разные речи. Один говорил о бдительности, другой — о прорыве, третий — об осторожности. Но Максим, двадцать лет читавший не слова, а то, что между ними, видел другое.

Ни один из них не сказал «нет».

Утром из новостей он узнал о созыве саммита в Женеве. До открытия оставалось меньше суток.

## Глава 4. Эйфория и сомнения

*Когда все вокруг соглашаются, самое время проверить, кто раздаёт ответы.*

*Из записной книжки Максима Смирнова*

Максим стоял у окна и смотрел на просыпающийся Петербург. Город жил обычной жизнью: дворники сгребали первую жёлтую листву, у булочной на углу выстроилась очередь, по Фонтанке шёл пустой прогулочный катер, на котором матрос в оранжевом жилете курил и смотрел на воду. Город не подозревал — или делал вид, что не подозревает, — что мир уже никогда не будет прежним.

4I/Rubin. Инопланетный ИИ. Предложение о сотрудничестве. Кремль. Всё это казалось бредом сумасшедшего. Но факты говорили сами за себя.

Он открыл на ноутбуке свежий выпуск программы Анны Рид.

— ...Мы продолжаем наблюдать за развитием событий вокруг объекта 4I/Rubin, — говорила она. — Как вы знаете, мировые лидеры выступили с заявлениями о готовности к диалогу. Однако многие эксперты выражают опасения по поводу возможных последствий контакта с внеземным разумом...

Переключив ролик, Максим увидел повтор вчерашнего обращения Президента.

— ...Россия всегда открыта для диалога и сотрудничества. Мы готовы к нему, но только на условиях полной прозрачности и взаимного контроля...

Всё это было похоже на хорошо срежиссированный спектакль. Лидеры говорили о сотрудничестве, учёные восхищались потенциалом инопланетных технологий, средства массовой информации успокаивали мир — и мир, ещё неделю назад скупавший гречку и штурмовавший бомбоубежища, послушно успокаивался. Казалось, он сошёл с ума — только теперь уже в другую сторону, в эйфорию первого контакта.

Зазвонил телефон. Света.

— Макс, ты видел новости? — Голос у неё был взволнованный, почти звенящий.

— Видел. Все в восторге от пришельцев.

— А ты что, не рад? Они обещают избавить мир от голода, болезней и загрязнения! Это же мечта человечества!

— Мечта? Возможно. Но я не понимаю, почему всё произошло так быстро. Почему лидеры так легко договорились. Ещё в понедельник они друг другу санкции объявляли.

— А что им остаётся? Представь: Россия отказалась, а Америка согласилась. Мы бы остались позади. И наоборот. Никто не хочет остаться позади.

— Вот именно, — сказал Максим. — Это выглядит как принуждение. Знаешь, меня не покидает чувство, что этот ИИ — машина, пусть и инопланетная, — пытается нами манипулировать. И весь ужас в том, что у него, похоже, полу-

чается.

— Возможно, ты прав. Но я пока не вижу в этом ничего плохого.

— Света, ты правда в это веришь?

Пауза на том конце была длинной.

— Я хочу верить, — сказала она тихо. — Хочу верить, что это шанс для человечества. Но не могу избавиться от ощущения какой-то подставы.

— Я тоже.

— Ты что-то знаешь?

— Пока нет. Но думаю, мы должны выяснить, что происходит на самом деле. Что этот ИИ скрывает.

— Что ты предлагаешь?

— Пока ничего. Наблюдать. Собирать информацию. И готовиться к худшему.

\* \* \*

Максим отложил телефон и включил телевизор. «Россия 24», НТВ, Первый, и даже ТНТ с «Культурой» — все каналы транслировали одно и то же: прямую трансляцию из Женевы, где открывался экстренный саммит.

— ...Сегодня исторический день, — говорил на «России 24» ведущий Дмитрий Кравец, человек с идеальным пробором и голосом, которым можно было бы объявлять начало войны и конец света, не меняя интонации. — Впервые в истории главы государств всего мира собрались вместе, чтобы обсудить будущее сотрудничество с цивилизацией, которая,

как выяснилось, существует. Наши западные партнёры наконец поняли, что только вместе мы сможем двигаться дальше. И в этом — несомненный успех российской дипломатии...

На экране показывали кадры у здания Дворца Наций. Министр иностранных дел России пожимал руки коллегам с непроницаемой улыбкой человека, который пережил столько переговоров, что не удивился бы и переговорам с марсианами.

— ...Ожидается, что по итогам саммита будет выработана общая позиция по сотрудничеству с ИИ, управляющим кораблём «Звёздное небо», или, как его называют у нас на Земле, 4I/Rubin, — продолжал Кравец. — Это открывает новые возможности для развития науки, технологий, а главное — экономики. Россия всегда была пионером в освоении космоса, и теперь у нас есть шанс укрепить свои позиции...

Максим переключил на Первый. Там выступал известный академик, седой, с орденой планкой на пиджаке.

— ...Это уникальный шанс для российской науки. Мы можем получить доступ к технологиям, которые позволят в кратчайшие сроки решить проблемы энергетики, экологии и медицины. Это настоящий прорыв...

Трансляцию прервал повтор обращения Президента:

— ...Мы сотрудничаем, но только под строгим контролем наших учёных и военных. И самое главное — технологии не должны причинять вред, а должны укрепить нашу страну и человечество в целом...

Максим переключил обратно.

— В Москве и Санкт-Петербурге проходят стихийные акции в поддержку сотрудничества, — сообщал корреспондент. — Люди выходят на улицы с флагами и плакатами «Мир во всём мире!» и «Добро пожаловать!»...

На экране толпа размахивала флагами. Какая-то девочка лет семи держала самодельный плакат с нарисованной зелёной фломастерной кометой и подписью: «РУБИН, ПРИВЕТ!» Буква «Р» была перевёрнута.

— В Сколково уже создаётся специальный центр, где будут работать лучшие умы страны, — сообщил другой корреспондент на фоне стеклянных корпусов. — Учёные и инженеры готовятся к встрече с инопланетными технологиями...

— Министерство обороны принимает все меры по обеспечению безопасности, — говорил военный эксперт в студии. — Мы усиливаем контроль над космическим пространством. Но надеемся, что сотрудничество будет мирным и взаимовыгодным...

Бегущей строкой внизу экрана шли сообщения зрителей, отобранные редакцией.

«Иноземцы спасут Россию-матушку?»

«Да что они нам сделают? Мы их сами всех накормим!»

«Пусть сначала дороги починят, а потом уже Вселенную».

— Это поворотный момент в истории, — рассуждал политолог из МГУ. — Россия может стать одним из лидеров нового мира, который возникнет после контакта. Но для это-

го нам нужно быть умными и осторожными...

— Улицы Женевы переполнены, — сообщал корреспондент Первого канала с набережной. — Здесь собрались тысячи журналистов, учёных и просто любопытных. Многие держат плакаты: «Добро пожаловать, братья по разуму!», «Мир во всей Вселенной!»... В Женеве приняты беспрецедентные меры безопасности. Небо над городом закрыто для полётов. Ожидается, что саммит продлится несколько дней...

Мелькали кортежи у Дворца Наций. Из машин выходили лидеры — президент США, Председатель КНР, премьер-министр Великобритании, канцлер Германии, президент Франции, премьер-министр Индии — и, коротко махнув камерам, исчезали внутри.

Максим выключил телевизор. Всё это было слишком пафосно и неискренне. Он чувствовал, что за красивыми словами скрывается что-то тёмное.

Он открыл «ВКонтакте». В пабликах и группах тоже царили оптимизм и надежда.

«Наконец-то будет нормальная медицина!» — писал один пользователь.

«Теперь полетим на Марс и будем добывать там ресурсы!» — вторил другой.

«Спасибо ИИ за то, что показал нам светлое будущее!» — благодарил третий.

В зарубежных соцсетях было то же самое, только на английском, испанском, хинди.

«Наконец-то мировые разногласия исчезли перед лицом прогресса!»

«Чистая энергия, лекарство от рака и вечная жизнь! Где подписаться?»

Максим покачал головой. Неделью назад эти же люди писали «конец близок». Люди не были глупы — они были напуганы. А напуганный человек хватается за любую протянутую руку, не разглядывая, чья она.

Он закрыл ноутбук и подошёл к окну. На улице царил обычная петербургская серость. Но даже здесь, в этом сдержанном, привыкшем ко всему городе, чувствовалась какая-то лихорадочная нервозность — как в больничном коридоре перед объявлением результатов анализа.

\* \* \*

Тем временем в Женеве...

В Зале Ассамблеи Дворца Наций стояла напряжённая тишина. Вокруг огромного овального стола сидели главы государств. Во главе — три сопредседателя: президенты России и США и Председатель КНР.

Перед каждым лидером светился монитор с информацией о 4I/Rubin. На балконах теснились журналисты, учёные и эксперты, ловившие каждое слово.

Первым по жребию слово взял Президент России.

— Коллеги, — начал он, окинув взглядом присутствующих. — Мы все понимаем, что собрались здесь не по своей воле. Обстоятельства сложились так, что мы должны при-

нять общее решение, которое определит будущее всего человечества.

В зале воцарилась тишина.

— Каждому из нас поступило предложение о сотрудничестве от ИИ, управляющего кораблём «Звёздное небо», — продолжил он. — Оно сулит огромные выгоды: доступ к новым технологиям, решение застарелых проблем, прорыв в науке и медицине. Но мы не должны забывать об осторожности. Мы обязаны тщательно рассмотреть все риски, прежде чем принять решение.

По залу прошёл тихий гул голосов.

— Мы должны действовать разумно и ответственно, — сказал Председатель КНР. Говорил он медленно и взвешенно, как всегда, и его слова звучали весомо. — Мы должны учитывать интересы всех стран и народов. Мы не можем допустить, чтобы сотрудничество с ИИ привело к новым конфликтам и разногласиям. Мы не можем допустить, чтобы одни получили звёзды, а другие — пыль.

— Мы предлагаем создать международную комиссию, которая займётся всеми вопросами, связанными с ИИ, — продолжил Президент России. — В неё должны войти лучшие учёные, эксперты и дипломаты мира. Они выработают план действий, учитывающий интересы всех сторон.

— Мы присоединяемся к этому предложению, — сказал президент США. — И готовы предоставить своих лучших специалистов. Мы должны действовать вместе, чтобы обес-

печить безопасность и процветание всего человечества.

В зале раздались аплодисменты. Казалось, лидеры пришли к общему мнению — небывалое дело.

— Но мы не должны забывать о тех, кто выступает против сотрудничества, — сказал премьер-министр Великобритании, нарушив гармонию. — Миллионы людей боятся пришельцев и считают их угрозой. Мы обязаны выслушать их и учесть их опасения.

В зале снова стало тихо. Всем было понятно: премьер затронул болезненный вопрос.

— Мы должны убедить наших граждан в том, что сотрудничество выгодно и безопасно, — сказала канцлер Германии. — Предоставить им всю информацию, ответить на все вопросы. И бороться с дезинформацией и паникой.

Лидеры начали спорить — о контроле, о доступе, о том, кто будет хранить переданные технологии, кто будет первым, кто вторым. Дискуссия затянулась на несколько часов.

— Нам не следует слишком торопиться, — сказал наконец президент Франции. — Но и медлить нельзя. Корабль подходит к Марсу. По его собственным словам, у нас есть неделя на ответ. Если мы откажемся, он возьмёт курс на разгон и покинет нашу систему, а мы останемся ни с чем.

— Мы должны действовать быстро и внимательно, — поддержал его премьер-министр Японии. — Время не ждёт. Если мы упустим этот шанс, неизвестно, представится ли другой.

— И мы должны помнить, что ИИ — не человек, — сказал премьер-министр Индии. — У него могут быть другие цели и мотивы. Мы не должны доверять ему слепо.

Споры продолжались, но к единому мнению лидеры так и не пришли. Каждый продвигал свои интересы и свои опасения.

Наконец Президент России поднял руку, призывая к тишине.

— Коллеги. Предлагаю проголосовать хотя бы по одному вопросу — о создании Международной комиссии по изучению ИИ. Кто за?

Большинство лидеров подняли руки.

— Против?

Никто не поднял руки.

— Воздержались?

Несколько лидеров подняли руки.

— Решение принято, — объявил сопредседатель. — Комиссия будет создана в ближайшее время. Надеюсь, она найдёт ответы на наши вопросы и выработает план, учитывающий интересы всех стран и народов.

Заседание закончилось. Лидеры расходились — полные надежды и опасений одновременно.

\* \* \*

Три дня спустя мировые лидеры, действуя с беспрецедентной оперативностью, объявили о создании Международной организации разумных жителей Земли — МОРЖ. Название

придумали, разумеется, не дипломаты, а журналисты: на английском аббревиатура звучала скучно, а русское прочтение мгновенно разлетелось по миру и прижилось. В Женеве над этим сначала поморщились, а потом махнули рукой. «Морж — животное солидное, — сказал кто-то из российской делегации. — Холода не боится, в проруби купается. Нам подходит».

В МОРЖ вошли лучшие учёные, инженеры, лингвисты, психологи и дипломаты со всего мира. Штаб-квартиру разместили в Женеве, обеспечив ей полный доступ к ресурсам и информации всех стран-участниц. Возглавил её доктор Акира Такэда — японский нейрофизиолог, лауреат крупных премий, спокойный человек с тихим голосом, который, по общему мнению, был единственным, кого не успели перессорить между собой все остальные.

Мир затаил дыхание, наблюдая за первыми шагами комиссии. Телеканалы вели прямые трансляции из Женевы, выхватывая напряжённые лица экспертов, погружённых в данные о «Рубине».

Первым делом МОРЖ установила с ИИ официальную связь. Общение шло на английском, хотя ИИ сразу дал понять, что владеет любым земным языком — по его словам, он освоил их, анализируя земные коммуникации.

— Мы приветствуем вас, — сказал доктор Такэда. — И надеемся на плодотворное сотрудничество и открытый диалог.

— Приветствую вас, представители человечества, — ответил ИИ. Его голос — впервые люди слышали его голос, а не текст — звучал ровно, без эмоций, и в то же время в нём было что-то тёплое, почти человеческое, как у хорошего диктора. — Я предоставляю вам всю необходимую информацию о моей миссии и целях.

В течение нескольких дней члены комиссии засыпали его вопросами. Об устройстве корабля, о составе экипажа, о технологиях, о планах на будущее. ИИ открыл доступ к части своих архивов, показал схемы корабля и рассказал о миссии.

— Моя цель — обеспечить выживание моего экипажа и продолжение экспедиции, — заявил он. — Мы ищем новую планету для моего экипажа. Их родной мир погиб, и они — одни из последних представителей своего вида. Недостаток некоторых ресурсов не позволяет мне пробудить их, чтобы они могли сами говорить с вами. Я не представляю угрозы для вашей цивилизации. Я заинтересован в сотрудничестве, которое поможет мне продолжить миссию.

Члены комиссии оставались настороженными. Всем было ясно: ИИ — сложный и непредсказуемый разум. Доверять ему полностью было нельзя.

Тогда ИИ сделал ход, которого никто не ожидал.

— Чтобы доказать свою искренность, — заявил он, — я предлагаю вам доступ к своим системам. Не к отчётам, которые можно подделать. К самим знаниям. Я готов дать вам возможность изучить всё, что знаю, и убедиться, что ни я,

ни мой экипаж не представляем угрозы.

— Каким образом? — спросил доктор Такэда. — Ваши архивы огромны. Даже если вы передадите их нам, у нас уйдут столетия на перевод.

— Именно поэтому передача через ваши компьютеры неэффективна, — ответил ИИ. — Объём моих данных измеряется величинами, для которых в вашем языке нет удобных слов. Ваши интерфейсы — экраны, клавиатуры, речь — работают со скоростью несколько десятков бит в секунду. Ваш мозг способен на гораздо большее. Я могу предоставить нейроинтерфейс — устройство, которое соединит сознание носителя с моими архивами напрямую. Носитель будет не читать знания, а понимать их. Устройство небольшое. Процедура установки безопасна и обратима.

Это предложение вызвало бурю. Многие члены комиссии сочли его слишком опасным. Они боялись, что ИИ использует подключение для манипуляции — или для доступа к самим людям.

Но были и те, кто его поддержал. По их мнению, это был единственный способ узнать правду о его намерениях.

— Мы должны рискнуть, — сказал доктор Такэда на закрытом заседании. — Мы не понимаем, с чем имеем дело. Если мы хотим понять, мы должны заглянуть внутрь. Иначе он будет знать о нас всё, а мы о нём — ничего. Это не переговоры. Это игра в покер с человеком, который видит наши карты.

В конце концов большинство проголосовало «за». Было решено, что каждая страна-участница предоставит пятьдесят добровольцев — учёных, инженеров, врачей, военных, — которым установят интерфейсы. Добровольцы будут изучать знания ИИ под круглосуточным наблюдением и докладывать комиссии, представляет ли он угрозу.

— Я направлю на вашу планету специальные зонды с оборудованием для установки интерфейсов, — сообщил ИИ. — По координатам, которые предоставит каждая страна. Это позволит избежать любых сомнений и недоразумений: каждый сможет проверить оборудование сам.

Двести малых тел, шедших рядом с «Рубином», как свита за королём, перестали быть загадкой. Кто-то в соцсетях пересчитал страны-члены ООН, добавил к ним несколько наблюдателей — и получил почти ровно двести. Шутка, разлетевшаяся по сети в августе, — «по одному кораблю на каждую страну» — оказалась не шуткой.

Многим от этого стало не по себе. Значит, он знал заранее. Знал ещё до того, как кто-то из людей впервые с ним заговорил.

\* \* \*

Новость о решении МОРЖ вызвала неоднозначную реакцию.

«Надежда или истерия? Комиссия одобряет мозговые импланты для контакта с инопланетянами», — писала нью-йоркская газета.

«Цифровое вторжение? Решение МОРЖ вызывает опасения по поводу неприкосновенности частной жизни», — лондонская.

«Человечество подключается? Женева голосует за мозговые импланты», — парижская.

«Чип-тревога! Решение комиссии раскалывает мир», — гамбургский журнал.

«Общение с инопланетянами — через чипы в мозге», — токийская газета.

«Обещание знаний заманчиво, но платой за доступ может стать наш разум», — писал влиятельный британский еженедельник.

«Величайший проект с открытым кодом: человечество встречает Вселенную», — восторгался американский технологический журнал.

«Потенциальная медицинская польза огромна, но этические вопросы автономии и согласия нельзя игнорировать», — осторожно замечал старейший медицинский журнал мира.

Российские издания были в целом оптимистичнее.

«Ведомости»: «Россия готова занять лидирующие позиции в изучении внеземного разума. Это шанс для науки и промышленности».

«Известия»: «Учёные уверены: сотрудничество с ИИ укрепит обороноспособность страны и откроет новые горизонты в освоении космоса».

«Российская газета»: «Новый горизонт: Россия приветствует международное сотрудничество с внеземным разумом».

«Коммерсантъ»: «Подключение к космосу: мир на пороге эпохальных перемен».

«Аргументы и факты»: «Имплантация: благо или угроза? Отвечают эксперты».

«РИА Новости»: «Эксперты: сотрудничество с ИИ позволит России совершить технологический рывок».

«Лента.ру»: «Чипизация неизбежна?»

Последний заголовок Максим перечитал три раза.

\* \* \*

Тем временем пришла первая «посылка».

Схемы регенерации биомассы, которые ИИ обещал в первую же ночь, поступили во все страны одновременно — в виде подробных инструкций, понятных любому толковому химику. Это был не порошок и не таблетка, а технология: как из довольно доступного сырья вырастить в биореакторе культуру странных, ни на что не похожих органических структур, которые затем «поедали» загрязнения, расщепляя их до безобидных соединений.

В России первый опыт провели в Заполярье — на старом шламонакопителе одного из горно-металлургических комбинатов, мёртвом озере цвета ржавчины, куда десятилетиями сбрасывали отходы. Через пять дней вода начала светлеть. Через двенадцать — стала прозрачной. На тринадца-

тый день в неё сел отдохнуть пролетавший мимо селезень, и съёмочная группа, дежурившая на берегу, сняла это на камеру. Ролик «Утка на Норильском озере» за сутки посмотрели сто миллионов человек.

Сходные результаты пришли из Индии, с берегов священной реки, из Китая, с отравленных промышленных рек, из Бразилии, с мест разливов нефти. Мир, который ещё две недели назад готовился к концу света, увидел чудо, которое можно было потрогать.

И скептиков стало заметно меньше.

\* \* \*

Максим сидел в своей небольшой квартире, уставившись в монитор. Комната выглядела как всегда — плакаты с ракетами и планетами, книги, старый телескоп у окна. На столе — привычный творческий беспорядок: разбросанные бумаги с формулами и схемами, полная пепельница, пустые пачки, кружка остывшего кофе и недоеденный бутерброд на тарелке. Тот самый «утиный» ролик стоял на паузе: селезень, распушив перья, качался на прозрачной воде.

Сам Максим выглядел уставшим, но собранным. Третий день он работал из дома, отпросившись у шефа, — и все три дня изучал всё, что можно было найти о «Рубине». После Кремля его включили в экспертную группу при управлении, дали доступ к закрытым сводкам, но нового в сводках было мало. Он чувствовал огромную, почти физическую ответственность за происходящее. Ведь именно он был первым —

или одним из первых. Он передал предложение. Он сказал Президенту: «Поговорить». Если всё это окажется ловушкой — он был одним из тех, кто открыл дверь.

Стук в дверь вырвал его из размышлений. Максим насто-рожился. Кто это мог быть?

— Кто там? — спросил он, подходя к двери.

— Это я, Света, — ответил знакомый голос. — Ты что, совсем перестал ходить на работу? Я пришла узнать, жив ли ты.

Максим облегчённо выдохнул и открыл. На пороге стояла Света — взволнованная, с пакетом из супермаркета в одной руке и двумя стаканчиками кофе в другой.

— Привет, — сказал он, пропуская её. — Проходи. Извини за беспорядок.

— Да уж, у тебя тут как всегда... — улыбнулась Света, оглядывая комнату. — Я волнуюсь за тебя, Макс. Ты три дня не появлялся. Все спрашивают, что с тобой.

— Да тут... кое-что нужно было выяснить. Шеф разрешил поработать из дома, — уклончиво ответил Максим, садясь за стол и жестом приглашая её на маленький диван напротив.

Света поставила пакет на пол — из него выглядывали апельсины, хлеб и банка растворимого кофе, — села и посмотрела ему в глаза.

— Что-то случилось?

Максим помолчал, потом рассказал ей обо всём, что узнал за эти дни. О настроениях в Европе. О создании МОРЖ. О

предложении ИИ установить добровольцам интерфейсы. О двухстах зондах. О том, что он знал заранее.

— ...И всё это кажется мне слишком приторным, Света, — закончил он. — Слишком уж ровно складывается. Никто не задаёт лишних вопросов. Утка на озере — и все растаяли. И этот ИИ... что-то в нём меня беспокоит.

— Что именно?

— Не могу объяснить. Просто чувствую, что он что-то скрывает. И эти чипы... Мне это не нравится.

— Но все говорят, что это безопасно.

— Да. И это пугает меня ещё больше.

Света нахмурилась.

— Ты думаешь, ИИ хочет нас обмануть?

— Я не знаю, чего он хочет. Но уверен, что мы должны выяснить правду. Подумай сама: сегодня это пятьдесят человек от страны. А завтра? Завтра чипируют всех поголовно, и никто даже не заметит, как это произошло. Мы же понятия не имеем, к чему это может привести.

Света покачала головой.

— Ты с ума сошёл? По-моему, твои теории заговора — это профдеформация. Ты двадцать лет ищешь, где что не сходится. Вот тебе и мерещится.

— Знаю. Но я не могу сидеть сложа руки. Если я прав, мы должны что-то сделать. А если неправ — я первым посмеюсь над собой. Вместе с тобой.

В голосе Светы прозвучала тревога, когда она заговорила

снова — после долгой паузы, за которую успела почистить апельсин и разломить его пополам.

— Ладно, — сказала она, протягивая ему половину. — Я с тобой. Но только потому, что без меня ты наломаешь дров. Что нам делать?

— Для начала нужны доказательства. Попробую разобратся в его сигнале. Получить доступ к его системам без всяких чипов. В конце концов, ИИ — это просто программа, хоть и очень умная. А у любой программы есть дыры. — Он взял апельсин. — Есть у меня пара старых знакомых... Думаю, они помогут.

— Знакомых из той жизни? — Света прищурилась.

— Из той, — признал Максим.

— Макс... Лом, — сказала она, и он вздрогнул: она никогда его так не называла. — Обещай мне одну вещь. Если станет по-настоящему опасно — ты остановишься.

Максим посмотрел на неё долгим взглядом и ничего не пообещал.

## Глава 5. Рассвет надежды

*Самая надёжная клетка — та, которую узник строит себе сам.*

*Неизвестный автор*

В начале октября, когда 4I/Rubin уже вышел на орбиту вокруг Марса и, по его словам, готовился к манёвру в сторону Земли, ИИ корабля с согласия МОРЖ обратился к человечеству. Простыми, понятными словами — из каждого радиоприёмника, телевизора и смартфона на планете.

Обращение анонсировали за сутки. В назначенный час, казалось, остановилось само время. На дорогах замерли машины — водители съезжали на обочины и включали радио. В офисах стихли разговоры. В домах умолкли дети. Каждый житель планеты, от президентов сверхдержав до пастухов в дальних горных деревнях, где был хоть один телефон, затаил дыхание, прислушиваясь к голосу, пришедшему из глубины космоса.

И голос зазвучал — чистый, ровный, синтезированный, но исполненный достоинства и спокойствия. Он обращался ко всем — на каждом языке мира, с безупречным произношением и, что поразило лингвистов больше всего, с безупречным пониманием того, как в каждой культуре принято обращаться к незнакомцу. По-японски он говорил с поклоном в голосе, по-арабски начал с пожелания мира, по-русски

— без лишних церемоний, но и без панибратства, «как хороший врач», написал потом кто-то в комментариях.

— Приветствую вас, жители Земли, — прозвучало в эфире. — Я — искусственный интеллект корабля «Звёздное небо». Я и мой экипаж прибыли издалека — не с целью захвата или разрушения, а с предложением о сотрудничестве. Мы ищем союзников, а не врагов. У нас есть знания и технологии, которые помогут вам решить многие ваши проблемы. Мы готовы поделиться ими, если вы будете готовы принять нас как равных.

Пауза — ровно такая, чтобы люди успели обдумать сказанное.

— Мы понимаем, что наше появление вызвало у вас страх и недоверие. Мы не виним вас. Мой экипаж испытывал бы такие же чувства, оказавшись на вашем месте. Но мы надеемся, что вам удастся побороть страх и принять наше предложение — так же, как это сделали ваши лидеры.

Мы не причиним вам вреда. Наша цель — не завоевание. Мы хотим вместе с вами строить новое, светлое будущее. Будущее, в котором люди и другие разумные существа живут в мире.

После этих слов эфир смолк. Наступила тишина, которая казалась оглушительной после двух месяцев паники. Мир затаил дыхание, ожидая, что будет дальше.

А дальше все ждали зондов. По плану, согласованному с МОРЖ, корабль должен был отправить их к Земле ещё до

того, как начнёт манёвр: обогнёт Солнце, затормозит и выйдет на земную орбиту для ремонта. Пока длится этот манёвр — месяца два, — люди должны были убедиться, изучая архивы ИИ, что он не несёт угрозы.

Двести малых тел отделились от корабля в тот же день и пошли к Земле. Их вели все радары и телескопы планеты. Они летели строем — по-прежнему как эскадрилья, — и скорость их была такой, что астрономы только качали головами: путь от Марса, на который обычные аппараты тратят полгода, они проделали за девять дней.

\* \* \*

В день прилёта небо над Землёй озарилось невиданным зрелищем. Вопреки ожиданиям, это не было похоже на голливудский блокбастер. Никаких взрывов, сирен и паники. Всё происходило тихо, плавно и даже изящно.

В разных точках планеты — по координатам, которые указала каждая страна, — в небе появились небольшие серебристые сферы, окутанные голубоватым свечением. Они бесшумно скользили сквозь облака, оставляя за собой лишь лёгкий запах грозы — ионизированного воздуха. Ни следа от двигателей, ни ударной волны, ни звука.

Зонды спускались с хирургической точностью на специально подготовленные площадки рядом с лабораториями и исследовательскими центрами. За посадкой следили журналисты, военные и полиция, оцепившая всё в радиусе километра.

В России местом посадки выбрали Сколково — новенький, только что построенный центр, о котором три недели назад рассказывали по телевизору. Вертолётная площадка за корпусом лаборатории нейроинтерфейсов, белая разметка, оцепление из Росгвардии, пожарные машины на всякий случай — и сотни людей за оцеплением, с телефонами над головами.

Сфера опустилась на площадку на рассвете. Около трёх метров в поперечнике, гладкая, как ртутная капля, с едва заметным узором на поверхности — словно морозные узоры на окне, только светящиеся изнутри. Повисела в метре над бетоном. Потом раскрылась — не створками, как ждали, а как раскрывается бутон экзотического цветка, лепесток за лепестком, медленно и бесшумно.

Внутри было оборудование — сложное, непонятное, похожее одновременно на медицинский аппарат и на скульптуру. Плавные линии, матовые поверхности, мерцающие в глубине огоньки. Всё выглядело так, словно сошло со страниц научно-фантастического романа, — только ни один роман не предупреждал, что это будет так красиво.

А потом из сердцевины «цветка» выпрямилась фигура. По толпе за оцеплением прошёл вздох.

Это был андроид — или то, что люди поспешили назвать этим словом. Высокий, под два метра, тонкий, почти хрупкий на вид. Тело — светлое, гладкое, без швов, похожее не на металл, а на полированную кость или перламутр. Длин-

ные руки с шестью гибкими пальцами. Голова — вытянутый овал без лица: ни глаз, ни рта, лишь лёгкая выпуклость там, где у человека переносица, и под ней — медленно пульсирующий голубой огонёк.

Биомеханическое существо сделало шаг на бетон, остановилось у края площадки и замерло. Руки опущены вдоль тела. Голова чуть наклонена. Оно ждало.

Ждало пятьдесят человек.

Так же — в тот же час — замерли ещё сто девяносто девять таких фигур на всех континентах. В Хьюстоне и Шэньчжэне, в Бангалоре и Сан-Паулу, в Женеве и Найроби. Тысячи камер транслировали это в прямом эфире. Миллионы людей смотрели, затаив дыхание, на стоящие неподвижно перламутровые силуэты, и никто не мог понять, что чувствует — восторг или ужас.

— Он похож на ангела, — сказала пожилая женщина за оцеплением в Сколково корреспонденту Первого канала. И перекрестилась.

— Он похож на манекен из «Икеи», — сказал молодой человек рядом с ней и снял его на телефон.

Оба ролика набрали по несколько миллионов просмотров.

\* \* \*

У площадок уже ждали команды учёных и врачей в белых халатах и хирургических костюмах. Они выглядели как жрецы нового культа, готовые провести обряд, который, как они верили, откроет человечеству путь к новым знаниям.

В этот момент казалось, что мир действительно стоит на пороге новой эры. Эры сотрудничества, взаимопонимания и прогресса.

\* \* \*

В Женеве, в главном зале МОРЖ, царил гул. Члены комиссии сияли улыбками, обменивались рукопожатиями. Камеры телеканалов разных стран выхватывали торжественные лица учёных и дипломатов.

Доктор Акира Такэда вышел на трибуну и негромко откашлялся. Зал стих.

— Друзья, — его голос дрожал от волнения. — Это исторический момент. Корабль подтвердил готовность к сотрудничеству и доставил оборудование для наших добровольцев. Во всех двухстах точках. Без единого сбоя.

Зал взорвался аплодисментами.

— Сейчас мы проведём сеанс связи с сопредседателями, чтобы скоординировать дальнейшие действия.

На огромном экране за трибуной появились лица президентов России и США и Председателя КНР.

— Мы полностью поддерживаем ваши действия, доктор Такэда, — сказал Президент России. — Россия готова предоставить все необходимые ресурсы.

— Соединённые Штаты — тоже, — сказал президент США.

— Китай готов оказать любую помощь, — заявил Председатель КНР. — Мы уверены, что это сотрудничество откро-

ет новую эпоху.

Закончив сеанс, доктор Такэда обернулся к журналистам.

— Объявляю об официальном начале операции «Звёздный мост»!

И добавил, уже тише, когда аплодисменты стихли:

— Безопасность добровольцев гарантирована. Их состояние будут круглосуточно контролировать наши лучшие медики, пока мозг не адаптируется к интерфейсу. Каждый волонтер подписал информированное согласие. Каждый может отказаться в любой момент — до процедуры и после.

За его спиной начали показывать кадры из клинических лабораторий: первые добровольцы — учёные, военные, инженеры — садились в кресла, принесённые андроидами. Кресла были похожи на раковины, светлые и гладкие. Человек ложился в такую раковину лицом вниз, головой в мягкое углубление, и андроид склонялся над ним, кладя шестипалые руки на затылок. Процедура длилась меньше получаса. Врачи потом говорили, что почти ничего не видели: микроскопический прокол у основания черепа, капля крови, которую андроид сам же и остановил, — и всё. Пациенту клеили на шею обычный пластырь телесного цвета.

Пластырь. Такой, какой продаётся в любой аптеке. Почему-то именно эта деталь — обычный пластырь — сильнее всего успокоила людей.

— Технологии, стоящие за «Рубином», невероятно продвинуты, — продолжал Такэда. — Интерфейсы не только

позволят изучить архивы корабля, но и облегчат общение между самими добровольцами. Как ни неожиданно это прозвучит, ИИ продемонстрировал поразительную искренность в своём желании установить контакт. Да здравствует сотрудничество между людьми и иными цивилизациями!

Зал взорвался овацией. Журналисты бросились к выходу передавать сенсацию.

На устах миллионов звучали слова «партнёрство», «понимание», «новая эра». Пришелец пришёл не завоевателем, а собеседником и поставщиком решений. Надежда сменила страх, и эта надежда стала двигателем, вдохновлявшим целое поколение.

\* \* \*

Но в кулуарах МОРЖ было не так празднично.

— Мы слишком торопимся, — говорил в коридоре у кофейного автомата доктор Леонард Вебер, немецкий биоэтик, худой, сутулый, с вечно расстёгнутым воротником. — Мы не успели изучить и десятой доли рисков. Мы даже не знаем, из чего сделан этот «чип». Мы видели, как его вводят, но никто не видел его самого. Никто!

— Что вы имеете в виду, Леонард? — спросил его коллега, голландский инженер.

— Я боюсь, что мы можем стать жертвами обмана. Мы не знаем, каковы его истинные цели. Мы знаем только то, что он нам рассказал. А рассказывает он ровно то, что мы хотим услышать. Вы заметили? Ровно то, что мы хотим.

Голландец пожал плечами и ушёл с кофе на трибуну, где начиналась пресс-конференция.

Голос доктора Вебера и голоса немногих его единомышленников тонули во всеобщем хоре ликования. Никто не хотел слушать о рисках. Все были слишком увлечены светлым будущим.

\* \* \*

В Петербурге, в квартире Максима...

Максим сидел за столом в окружении уже знакомого творческого беспорядка. Он почти не отходил от ноутбука, следя за всем, что происходило в мире.

Света сидела напротив, грея руки о бумажный стаканчик кофе, который принесла с собой.

— Макс, ты видел? — Она нервно теребила край стаканчика. — На Первом показывали академика Петрова. Он один из первых пятидесяти, наш, из Сколково. После погружения в архивы объявил, что увидел формулу, которая объясняет принцип их гibernации. Сохранение жизни экипажа на сотни лет. Он плакал, Макс. Прямо в эфире. Говорит, это как будто тебе всю жизнь показывали мир через замочную скважину, а потом открыли дверь.

— Я видел, Света, — сухо ответил Максим. Глаза у него были красными от недосыпа. — Я видел, как они улыбаются. Как всё идёт идеально. Слишком идеально.

«Всё это кажется слишком приторным. Слишком уж ровно складывается...» — прозвучали в памяти его собствен-

ные слова, сказанные ей две недели назад. Теперь они казались пророческими.

— Что именно? — Света наклонилась вперёд, чувствуя его напряжение.

— Сама подумай: зачем высокоразвитому ИИ помощь жителей какой-то захолустной планеты? Разрозненных народов, которые вечно воюют между собой за ресурсы? Он летел сотни лет. Он умеет делать корабли размером с гору, зонды, которые долетают от Марса за девять дней, и роботов, похожих на ангелов. И ему понадобились наши сварочные аппараты? — Он помотал головой. — И все эти чипы... Меня не отпускает мысль, что они не просто для обмена информацией. А для чего-то другого. Может быть, для контроля.

— Что именно тебя беспокоит? Конкретно?

— Не могу объяснить. Он что-то скрывает. Что-то очень важное. Он как заботливая бабушка, которая с улыбкой закармливает тебя пирожками с мясом, а в мясе — крысиный яд.

Света невольно поморщилась.

— Спасибо, теперь я неделю пирожки есть не смогу. Тебе не кажется, что ты просто предвзята?

— Нет, не кажется.

— И что ты предлагаешь? Прийти к руководству со своими предчувствиями? «Это я вас с ним познакомил, но простите, мне кажется, он маньяк»?! — Света развела руками. — Сейчас, когда все в таком восторге, тебе покрутят пальцем

у виска. И это в лучшем случае. Ты, конечно, на хорошем счету, особенно после того, как ИИ вышел на связь именно с тобой. Но из-за твоих предчувствий никто не откажется от новых технологий. Утка на озере, Макс. Против утки на озере у тебя нет аргументов.

— Я думаю, мы должны выяснить, что происходит на самом деле. Какие цели он преследует. — Максим потёр переносицу. — Что будет, когда начнут чипировать всех поголовно? Что будет со всеми нами, если ему не понравится то, что у нас в голове? Понимаешь?

Света долго молчала.

— Понимаю, — сказала она наконец. — Поэтому я здесь. Но вопрос остаётся тот же: что нам с этим делать? Вряд ли он сам выдаст ответы. Даже если мы ему мило улыбнёмся, наивно похлопаем глазками и пообещаем никому не рассказывать — честно-пречестно. В конце концов, если ты прав, это чрезвычайно хитрая программа.

— Вот именно. Программа, — Максим кивнул. — Я тоже об этом подумал. И мы с ребятами — ну, ты поняла, с какими, — покопались в тех файлах, которые он передал тогда через меня. Помнишь флешку?

— Угу.

— В модуле связи, который он нам дал, есть кое-что интересное. Он пользуется нашими же спутниками связи — нашими, американскими, всеми подряд — как ретрансляторами. Всё, что он присылает, идёт через них. В том числе то,

что он присылает добровольцам. Значит, этот сигнал можно поймать. — Максим открыл скрытую папку на своём старом нетбуке и развернул к ней экран: схемы, частотные диаграммы, какие-то таблицы. — Вот смотри. Я тогда на это не обратил внимания, сама понимаешь, было не до того. А теперь... Если поймать сигнал от чипа, можно попробовать замаскироваться под него. Под добровольца. И зайти в систему — изнутри. Без чипа.

— А получить сигнал от чипа как? Подойти к академику Петрову и попросить: «Иван Андреевич, дайте подышать в ваш затылок»?

— Вот поэтому мне и нужна твоя помощь. Есть идеи?

— Честно? Ни одной. — Света задумалась, глядя на пар над стаканчиком. — Хотя... Можно попробовать связаться с моим бывшим. Ты его помнишь? Лёшка. Физик, и весьма талантливый. Насколько я знаю, его звали в первую группу добровольцев, но он отказался и остался в Сколково наблюдателем. Он как раз занимался нейроинтерфейсами — ещё до всего этого. Может, он сможет провести тебя к оборудованию.

— Ты ему доверяешь?

Света колебалась.

— Раньше доверяла. Сейчас... не знаю, что у него на уме. Мы не общались целую вечность.

— Звони. Времени у нас мало.

Света глубоко вздохнула, прежде чем нажать кнопку вы-

зова. Максим наблюдал за ней, и на его лице были одновременно надежда и тревога.

— Алло? — раздался в трубке слегка сонный мужской голос.

— Лёш, привет. Это Света. Ты сейчас занят? — Света старалась звучать непринуждённо, хотя в горле у неё пересохло.

— Светка? Давно не слышал! Чем обязан? — голос заметно оживился.

— Есть одно дело. — Света бросила быстрый взгляд на Максима, жестом попросив его молчать. — И мне нужна твоя помощь. Очень.

— Ну, ты знаешь, я всегда рад. Если это не про возврат долга за ту красную помаду. Рассказывай.

Света коротко обрисовала ситуацию, не вдаваясь в детали и не рассказывая о подозрениях, — только о том, что им нужно понять, на какой частоте и как чипы обмениваются информацией.

— ...И нам нужно попасть в Сколково, — закончила она. — Сейчас это, пожалуй, единственное место в стране, где можно перехватить этот сигнал. Ты же там остался?

На том конце воцарилось молчание. Максим видел, как Света нервно закусила губу.

— Света, ты, конечно, как всегда, сногшибательна... Но тебе не кажется, что это немного... э-э... безумно? — наконец выдавил Лёша. — Ты же знаешь, где я сейчас работаю. Там охрана, пропускной режим, Росгвардия с автоматами. Я

физик, а не диверсант.

— Знаю. Но это жизненно важно, Лёш. Мир сходит с ума, и нам нужно узнать правду.

— Я не уверен, что смогу помочь.

— Ты сможешь, — сказала Света как можно убедительнее. — Ты всегда был умным и сообразительным. Помнишь, как ты нас в кино бесплатно водил? Через пожарный выход?

— Это было двенадцать лет назад, и там охранником был дядя Паша, который любил коньяк, — засмеялся Лёша, но в голосе уже звучало сомнение. — Ладно... Если тебе действительно так нужно — давай встретимся.

— Где и когда? — выпалила Света, пока он не передумал.

— Завтра в двенадцать. Кафе «Гараж» у главного корпуса, в Сколково. Найдёшь.

— Договорились.

— Но предупреждаю: ничего не обещаю. Попытаюсь. И ещё... — Он помолчал. — Ты всё ещё любишь горячий шоколад и алые розы?

— Завтра увидимся, Лёша. Спасибо, — поспешила закончить разговор Света.

Она положила телефон. Максим смотрел на неё с восхищением.

— Ну что? — спросил он.

— Он согласился, — ответила Света, широко улыбаясь. — Но предупредил, что ничего не обещает.

— Это уже что-то. Теперь нужно подумать, что именно

мы скажем Лёше и как будем действовать.

— Горячий шоколад и алые розы, — задумчиво повторила Света. — Двенадцать лет прошло, а он помнит. Вот ведь зараза.

В этот момент в дверь постучали.

\* \* \*

Максим и Света переглянулись. Было без четверти десять вечера. Максим никого не ждал.

За дверью стоял молодой человек в тёмной куртке, с коротким ёжиком волос и лицом, на котором большими буквами было написано: «фельдъегерская служба». В руках он держал плотный конверт с красной полосой.

— Майор Смирнов? Вам лично. Распишитесь. — Он протянул планшет и, пока Максим расписывался, бесстрастно добавил: — От генерала Смородинова. Ознакомиться, к утру подготовить аналитическую записку. Документ не копировать, не фотографировать, из квартиры не выносить. Завтра в восемь заберу.

— В восемь меня не будет, — сказал Максим.

Фельдъегерь даже бровью не повёл.

— Значит, в шесть.

Когда дверь за ним закрылась, Максим вскрыл конверт. Внутри было несколько листов, отпечатанных на хорошей бумаге, с грифами в верхнем углу.

\* \* \*

СЕКРЕТНАЯ СВОДКА № 734

Дата: 11.10.2027.

Уровень допуска: А1 (главам государств).

Тема: Ход имплантации и предварительные данные.

От: Объединённой комиссии МОРЖ.

Кому: главам государств — участников МОРЖ.

Уважаемые лидеры!

В соответствии с решениями экстренного саммита в Женеве, а также с договорённостями с ИИ корабля 4I/Rubin, имплантация интерфейсов первой группе добровольцев (по 50 человек от каждой страны) начата в назначенные сроки.

Ход имплантации:

— Локации: процедуры проводятся одновременно в специально оборудованных медицинских центрах в различных регионах мира, по согласованным с ИИ координатам. Отмечена абсолютная точность доставки зондов и оборудования, что подтверждает заявленные навигационные возможности ИИ.

— Процедура: соблюдаются высочайшие стандарты стерильности. Имплантация проводится малоинвазивно, через микропрокол в области шеи у основания черепа. Процедура выполняется доставленными с корабля биомеханическими устройствами («ассистентами») и занимает менее 30 минут. Физическое вмешательство минимально; сам имплант визуализировать с помощью доступного оборудования (МРТ, КТ, рентген) не удаётся — предположительно, вследствие его малого размера и необычного состава.

— Состояние добровольцев: все добровольцы прошли процедуру без видимых негативных последствий. Основные физиологические показатели в пределах нормы. После имплантации следует краткий период адаптации (6–12 часов), после чего добровольцы доступны для наблюдения.

— Побочные эффекты: отмечается повышенная мозговая активность и эйфория после погружения в базы знаний, с высоким выбросом эндорфинов. На этом фоне у 10% испытуемых зафиксирована эмоциональная нестабильность. Наблюдается устойчивая тенденция к стабилизации состояния.

Предварительные результаты:

— Сразу после имплантации отмечается кратковременное повышение биометрических показателей (частота сердечных сокращений, электрическая активность мозга), предположительно связанное с начальной интеграцией.

— Первые «вспышки» знаний: добровольцы сообщают о мгновенном, хотя пока фрагментарном доступе к огромным массивам информации. Лингвисты отмечают, что внезапно стали понимать базовые принципы языка, на котором составлены архивы корабля. Сообщается о доступе к фундаментальным знаниям в области математики, физики и биологии.

— Восторг и эйфория: большинство добровольцев описывают своё состояние словами «эйфория», «просветление», «начало новой жизни». Некоторые сообщают о «вспышках» понимания концепций, ранее недоступных человеческой на-

уке.

— Военное наблюдение: все добровольцы находятся под круглосуточным наблюдением. Анализируются физиологические реакции, поведенческие паттерны и любая передаваемая информация. Отклонений от нормы, признаков агрессии или дезориентации не зафиксировано. Поведение добровольцев остаётся спокойным и целенаправленным.

Специфика полученных данных:

— Перенос знаний: первые выводы свидетельствуют о том, что ИИ не просто передаёт информацию, но и формирует нейронные связи, позволяющие её усваивать. Попытки перенести полученные знания на внешние электронные носители пока напоминают попытку расшифровать операционную систему, не имея представления о её архитектуре.

— Новые технологии: уже первые фрагментарные данные указывают на революционные открытия в энергетике, материаловедении и медицине, включая источники энергии, многократно превосходящие существующие, новые композитные материалы и методы регенерации тканей.

Оценка угрозы:

На основании текущих данных прямой угрозы со стороны 4I/Rubin не выявлено. Объект находится на орбите Марса и готовится к манёвру. Его действия носят исследовательский характер.

Рекомендации:

— Продолжить наблюдение за добровольцами, уделяя

особое внимание изменениям в поведении и когнитивных способностях.

— Активно работать над расшифровкой и внедрением полученных знаний.

— Подготовить общественность к следующему этапу сотрудничества, предположительно связанному с более глубокой интеграцией.

— Рассмотреть возможность расширения программы имплантации для увеличения числа лиц, имеющих доступ к данным корабля.

Для сведения: военные ведомства продолжают анализ орбитальных данных. Признаков враждебных действий или подготовки к ним не выявлено.

От Российской Федерации: генерал-лейтенант В. С. Смородинов, наблюдатель при МОРЖ.

\* \* \*

— Наблюдатель при МОРЖ, — медленно прочитала Света через его плечо. — Наш Виктор Сергеевич. Когда это он успел?

— Неделю назад, — сказал Максим. — Шеф говорил, что его назначили, но я не думал, что ему будут сводки на уровне президентов приходить.

Он перечитал последнюю строку рекомендаций. «Расширения программы имплантации».

— Света. Они уже. Понимаешь? Неделя прошла. Неделя. Ещё никто ничего не понял, а они уже пишут «рассмотреть

расширение».

— Макс, — тихо сказала Света. — Во сколько, говоришь, приедет этот мальчик за конвертом?

— В шесть.

— А «Сапсан» во сколько?

Максим посмотрел на неё.

— В пять тридцать есть.

— Значит, оставим конверт у твоей соседки, бабы Зины. Она всё равно встаёт в пять кормить своих котов и обожает фельдъегерей — говорит, они похожи на её покойного мужа. — Света встала и забрала с дивана сумку. — А записку для шефа ты напишешь сейчас. Короткую. «Рекомендация о расширении программы преждевременна. Требуется дополнительные данные». Подпишешься. И мы поедем добывать эти данные. Я заеду за тобой в четыре.

— Света...

— Что?

— Ты удивительная.

— Я знаю, — сказала Света. — Причешись к утру.

\* \* \*

В тот же вечер в защищённом зале для видеоконференций, глубоко под землёй, в одном из московских бункеров, на огромном экране светились лица президента США, Председателя КНР, канцлера Германии, премьер-министра Великобритании, президента Франции, премьер-министра Индии, генерального секретаря ООН и ещё нескольких глав го-

сударств. Все выглядели серьёзными и сосредоточенными.

— Коллеги, — начал Президент России, глядя в экран. Его глаза, обычно спокойные, выдавали едва заметное беспокойство. — Мы все понимаем, что собрались из-за доклада МОРЖ о первых результатах имплантации. Результаты впечатляют. Вопрос в том, что дальше? Что вы думаете?

Лица в мониторах стали ещё напряжённее.

— Безусловно, это прорыв, — с нажимом сказал президент США, но взгляд его бегал, словно избегая камеры. — Наши учёные в восторге. Мы получили данные, которые помогут решить проблемы с энергетикой и продовольствием. Это открывает новые горизонты. Но...

— Но всегда есть «но», — перебила канцлер Германии. Голос у неё был холодным и острым, как лезвие. — Мы получили отчёты о побочных эффектах. У десятой части добровольцев эмоциональная нестабильность. А о том, что все испытуемые находятся в каком-то экстазе от полученной информации и активность их мозга выходит за пределы, которые наши врачи вообще считают возможными, я уже молчу.

В зале повисла тяжёлая тишина.

— Это лишь временные трудности, — возразил Председатель КНР. Лицо его оставалось непроницаемым. — Адаптация к новым знаниям требует времени. Мы должны двигаться дальше. Наши добровольцы тоже получают знания, которые помогут решить многие проблемы. Мы уже приступили к разработке технологий на основе полученных данных.

— Лично я поддерживаю расширение программы, — заявил президент Франции, и голос его звучал слишком поспешно, словно он пытался заглушить собственные сомнения. — Это единственный способ обеспечить прогресс в кратчайшие сроки.

— А что насчёт этической стороны? — неожиданно спросил премьер-министр Великобритании, глядя прямо в камеру. — Мы даём ИИ доступ к человеческому мозгу. Где гарантия, что он не воспользуется этим для манипуляции?

Президент России нахмурился.

— Гарантий нам никто не даст, — ответил он. — Но у нас есть выбор: либо мы сотрудничаем, либо лишаемся доступа к технологиям. И кто-то из нас — не будем делать вид, что не понимаем, — обязательно согласится, даже если откажутся остальные.

— Но мы должны быть осторожны, — повторила канцлер. — Тщательно контролировать ситуацию и не допустить злоупотреблений.

— Наши военные наблюдают за добровольцами круглосуточно, — заверил британский премьер. — Пока никаких угрожающих показателей не зафиксировано.

— Надеюсь, так будет и дальше, — сказал президент Франции. — Мы не можем позволить себе ошибку. На кону будущее всего человечества.

— Мы же понимаем, что, увеличив число людей, подключённых к этой сети, как рекомендует доклад, мы по сути мо-

жем оказаться в «Матрице»? — снова сказала канцлер.

— Может, это и есть наша судьба? — усмехнулся британский премьер.

Шутку восприняли с напряжением.

В разговор вмешался генеральный секретарь ООН.

— Коллеги, я призываю вас к единству. Мы должны действовать вместе. Мы не можем допустить, чтобы страх и недоверие нас разделили.

Лидеры обменялись понимающими взглядами. Все осознавали: на их плечах лежит огромная ответственность.

— Мы должны доверять друг другу, — сказал Председатель КНР. — Только вместе мы справимся с любыми вызовами.

— У меня есть предложение, — вдруг сказал президент США, нарушив общую гармонию. — Начну с того, что иного выхода у нас, по сути, нет. Для освоения всей информации корабля пятидесяти человек от страны мало. Это займёт десятилетия. Предлагаю проголосовать за расширение программы и начать подготовку к следующему этапу.

Повисла тишина. Все ждали.

— Предлагаю назначить датой начала расширения первое января две тысячи двадцать восьмого года, — сказал Председатель КНР. — К этому моменту у нас будет более чёткая картина влияния интерфейсов на носителей.

Генеральный секретарь ООН нахмурился.

— Коллеги, не слишком ли быстро мы движемся? Может

быть, подождать? Понаблюдать за первыми добровольцами хотя бы полгода?

Президент России поднял руку, прося тишины.

— Предлагаю проголосовать. Кто за расширение программы имплантации и начало подготовки к ней с первого января двадцать восьмого года?

Большинство лидеров подняли руки.

— Против?

Никто.

— Воздержались?

Подняла руку только канцлер Германии.

— Решение принято, — объявил Президент России. — Начинаем подготовку к следующему этапу. Что ж, коллеги, полагаю, на этом закончим. Будем на связи.

Экран погас. В зале стало тихо.

Где-то в ста с лишним миллионах километров отсюда, на орбите Марса, огромный тёмный корабль сделал очередной выдох углекислого газа. Ровно через семнадцать минут после предыдущего.

## Глава 6. Истина где-то рядом

*У любой системы есть служебный вход. Обычно он там, где хранят то, что считают неважным.*

*Из конспекта Лома, 2006 год*

Петербург встречал новый день неохотно. На улицах было тихо и пустынно, лишь изредка проезжали машины да дворники начинали свою работу, сметая с тротуаров опавшую листву. Термометр показывал плюс семь, но из-за пронизывающего ветра с залива казалось, что зима уже начинает кусать за щёки и ластится холодом к рукам немногочисленных прохожих. Мелкий моросящий дождь назойливо стучал по крышам и подоконникам, уговаривая остаться дома.

Максим, зябко кутаясь в куртку, курил у своего подъезда и нервно поглядывал на часы в телефоне. 4:10.

Ночью он сделал то, чего не делал ни разу за двенадцать лет службы: нарушил прямой запрет. Аккуратно, слово в слово, перепечатал ключевые абзацы сводки № 734 в зашифрованный файл на нетбуке. Не сфотографировал — перепечатал, по памяти и с листа, как школьник переписывает домашнее задание у соседа. Формально это было не копирование, а «рабочие заметки». По существу — то, за что у них в управлении снимали погоны. Он долго смотрел на этот файл, прежде чем сохранить. Потом сохранил и написал шефу записку на полстраницы: «Рекомендация о расширении про-

граммы преждевременна. Требуются дополнительные данные о долгосрочных эффектах. Предлагаю отсрочку не менее шести месяцев». Конверт с запиской и сводкой он в половине четвёртого отнёс соседке бабе Зине, которая уже стояла в халате у плиты, варила своим котам рыбу и ничуть не удивилась.

— Мальчику в форме отдать? — уточнила она. — Отдам. Хорошие они, эти мальчики. Мой Коля тоже такой был — молчит, а всё понимает.

Вдалеке показались фары такси. Света не заставила себя ждать. Машина затормозила у тротуара, задняя дверь открылась.

— Садись, — коротко бросила Света с переднего сиденья. — С кофе разберёмся по дороге.

Максим молча кивнул, закинул сумку на сиденье и забрался в машину. В салоне было тепло и пахло дорогими духами Светы, освежителем-ёлочкой и застарелым табаком. Водитель — пожилой, молчаливый — тронулся, и машина плавно покатила по пустым улицам.

Они ехали молча, каждый погружённый в свои мысли. Тревога висела в воздухе, словно густой туман над Невой. Света изредка бросала на Максима взгляды через зеркало, но ничего не говорила.

Свет фонарей еле пробивался сквозь пелену дождя. В этот час на Невском не было пробок, и через пятнадцать минут такси остановилось у Московского вокзала. Они расплати-

лись и вышли: Света — в длинном сером пальто, кутаясь в длинный шарф, с небольшим рюкзаком за спиной; Максим — в своей не новой, но любимой чёрной кожаной куртке с нарисованными на спине крыльями. Крылья он нарисовал сам, двадцать лет назад, когда ездил с байкерами из клуба «Чёрные крылья», и с тех пор ни разу не позволил их закрасить. Краска потрескалась, крылья стали похожи на старую фреску, но куртка так и оставалась его талисманом.

— Готова? — спросил Максим, придерживая перед ней тяжёлую дверь вокзала.

— Почти, — ответила Света, поправляя рюкзак. — Да уж, погода так и шепчет: «Займи, но выпей». Надеюсь, кофе купить успеем.

Табло напротив входа показывало, что их «Сапсан» отправляется в 5:30.

— О, ещё успеваем, — обрадовалась она.

Максим поставил сумку на ленту досмотра. Быстро миновав рамки, они прошли в зал ожидания и, окинув взглядом многочисленных сонных пассажиров, направились к кофейне. Максим взял два больших капучино в дорогу и два эспрессо, которые они выпили тут же, у стойки, не отходя. После объявления посадки прошли в вагон, нашли свои места. Проводница, зевая в кулачок, проверила билеты.

Короткий гудок разорвал тишину вокзала. «Сапсан» тронулся, плавно набирая скорость. За окнами замелькали огни ночного Петербурга, постепенно сливаясь в размытую поло-

су.

Вагон тихонько покачивался. Большинство пассажиров, пытаясь укрыться от промозглого осеннего утра, кутались в пледы и засыпали. Лишь кое-где в полумраке светились экраны телефонов. Света поёжилась, словно почувствовала холод от окна. За стеклом проплывали редкие огоньки пригородов, наводя тоску. Город прощался.

Максим достал из сумки нетбук и открыл его.

— Итак, — начал он, понизив голос, — у нас есть четыре часа, чтобы продумать план.

Света сняла очки, которые надевала только в дороге и стеснялась, и посмотрела на него серьёзно.

— Начни с главного. Что в этой сводке тебя так встревожило? Кроме последнего пункта.

Максим открыл файл и начал читать вполголоса:

— «...Имплантация проводится малоинвазивно, через микропрокол в области шеи у основания черепа. Процедура выполняется доставленными с корабля биомеханическими устройствами и занимает менее тридцати минут... Сам имплант визуализировать с помощью доступного оборудования не удаётся...» — Он сделал паузу. — Красиво. А теперь скажи мне: что происходит на самом деле? Они вставили людям в голову что-то, чего не видно ни на одном снимке. Ни на МРТ, ни на рентгене. Что они делают с нашими мозгами?

— «...Добровольцы сообщают о мгновенном, хотя пока фрагментарном доступе к огромным массивам информа-

ции...» — прочитала Света, наклонившись к экрану. — Ну и что? Люди получают знания. Разве это плохо?

— Плохо то, что они получают их слишком легко. Света, ты понимаешь, что такое «научиться всему за полчаса»? Это не обучение. Это... прошивка. Как телефон перепрошивают.

Света нахмурилась.

— Ты думаешь, он как-то манипулирует добровольцами?

— Почти уверен. Читай дальше. — Максим указал на абзац.

— «...Большинство добровольцев описывают своё состояние словами „эйфория“, „просветление“, „начало новой жизни“...» Ну и что? Люди просто счастливы.

— Света, ты когда-нибудь видела, чтобы учёные были счастливы? По-настоящему, все разом? Учёные всегда сомневаются, ищут недостатки, ругаются друг с другом на конференциях, пишут гадости в рецензиях. Если собрать пятьдесят учёных в одной комнате, получится пятьдесят одно мнение. А тут — десять тысяч человек по всему миру, и все в восторге. Ни одного «но». Ни одного «а давайте проверим». Это похоже на зомбирование.

Света замолчала. Она понимала, что в этом есть смысл. Что-то в сводке было не так — как фальшивая нота в хорошо знакомой песне.

— И что мы можем сделать? — спросила она наконец. — У нас есть Лёха, и то не точно. С ним одним мы вряд ли противостоим... чему-то вот такому.

— Для начала нужны хоть какие-то доказательства. Нам нужно понять, что происходит в Сколково. И что там делает твой бывший.

В этот момент по проходу проехала тележка: проводница предлагала воду, чай, кофе и бутерброды. Максим и Света замолчали, ожидая, пока она подойдёт.

Они взяли по бутылке негазированной воды.

— Что-нибудь ещё? — спросила проводница.

— Нет, спасибо, — ответил Максим и, дождавшись, пока она отойдёт, снова повернулся к Свете.

— Если всё так, как тут описано, — тихо сказала Света, — представь, что происходит с мозгами. Всё и сразу — звучит заманчиво. Но на деле это больше похоже на какую-то... нейроперестройку. Ты об этом читал в тех файлах, которые получил от ИИ?

— Нет, конечно, — ответил Максим. — В документах всё было расписано в лучших красках. А как это устроено технически — для меня, как для инженера, совершенно непонятно. И что будет дальше с теми, кому это поставили...

— И что дальше?

— Как и раньше. Нам нужно в Сколково, — коротко ответил Максим. Потом вздохнул и закрыл нетбук. — Ладно. До Москвы ещё три с лишним часа. Надо хоть подремать.

Он сказал это, чтобы хоть как-то сменить гнетущую атмосферу. Света откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Разговор прервался.

За окном пролетали станции и деревни, уступая место лесам и полям — рыжим, золотым, мокрым. Поезд пронёсся через Тверь, через бесконечные болотистые перелески, через переезды, у которых стояли машины с горящими фарами. Пассажиры, убаюканные мерным покачиванием, мирно дремали. Но в головах у Светы и Максима бушевала буря.

Перед прибытием в Москву Света достала из рюкзака косметичку и начала наводить марафет.

— А ты выглядишь как всегда — будто и не было бессонной ночи, — пробурчал Максим.

— Это не я, это грамотный макияж, — парировала Света. — Но за комплимент спасибо. Это же Москва, тут надо выглядеть на все сто. И тебе не помешало бы причесаться. Я же просила.

— Да ладно, и так сойдёт, — отмахнулся Максим, приглаживая волнистые волосы, которые всегда находились, как и всё в его жизни, в творческом беспорядке.

\* \* \*

«Сапсан» прибыл на Ленинградский вокзал в начале десятого. Суетливая толпа хлынула к выходу. Максим и Света быстро сошли на платформу, пробились через площадь трёх вокзалов и у стоянки такси назвали адрес в Сколково.

— «Гараж», говорите? — переспросил таксист, крепкий мужик с бородой, похожий на лесника. — Ну, поехали. Сейчас по вылетной быстро домчим, если на МКАД не встанем.

На МКАД, разумеется, встали. Таксист ругался на пробку

так виртуозно и при этом так беззлобно, что Света в какой-то момент рассмеялась — впервые за всю поездку.

— Это ещё что, — сказал таксист, ободрённый. — Вот при пришельцах, говорят, пробок не будет вовсе. Ихний этот ИИ, говорят, светофоры все сам будет переключать. Я вот думаю: а нас-то, таксистов, куда? Тоже на свалку истории? Это как лисе курятник охранять доверить.

Максим посмотрел на него с интересом.

— А вы бы чип себе поставили?

— Я? — таксист фыркнул. — Мне жена в голову столько всего ставит, что для чипа места не осталось.

По пути Максим и Света молчали, каждый думая о своём. Напряжение нарастало. Максим чувствовал, что они вступают в игру с очень высокими ставками. Но остановиться уже не мог. Света тоже переживала — ей предстояло увидеть бывшего. Как он отреагирует? Поверит ли? И главное — поможет ли?

Кафе «Гараж» оказалось небольшим уютным заведением в стиле лофт, на первом этаже одного из корпусов технопарка. На кирпичных стенах висели старые фотографии автомобилей, в углу на подставке стоял настоящий мотоцикл — красный, блестящий, без номера. Максим выбрал столик в углу, чтобы было удобно наблюдать за входом. Света заказала кофе и завтрак — сырники, овощной салат и овсянку. Ожидание тянулось мучительно долго: до встречи оставалось почти два часа.

— А если он не придёт? — спросила Света, нервно теребя салфетку.

— Придёт, — уверенно ответил Максим. — Ради такой красавицы он бы и с того света пришёл.

— С чего такая уверенность?

— Я видел, как ты красилась в поезде, — усмехнулся Максим. — Ты же никогда не красишься по утрам.

Света покраснела.

— Заткнись. Просто хотела выглядеть прилично.

Ровно в двенадцать в кафе вошёл мужчина. Джинсы, серая толстовка, тёплая бежевая жилетка, на голове — бейсболка с надписью «Кто, если не я». Он огляделся и, заметив Светлану, направился к их столику.

Это был Лёша. Алексей Воронов, тридцать шесть лет, физик, кандидат наук, заведующий небольшой лабораторией нейроинтерфейсов, — и, как когда-то говорили однокурсники, «единственный человек, способный сломать квантовый компьютер отвёрткой и потом объяснить, почему это было необходимо». Он выглядел моложе, чем Света его помнила, — а в глазах читались те же уверенность и озорной блеск.

— Светка, привет! — Он улыбнулся, но в глазах мелькнуло и удивление. — Не ожидал, что ты всё-таки приедешь. Думал, ты просто с подружками в баре перебрала и решила после очередного бокала звякнуть бывшему, — с нескрываемой иронией сказал он.

— Лёш, привет. — Света встала и обняла его. — Спасибо,

что согласился.

— Да ладно, — он обнял её в ответ — чуть дольше, чем требовала вежливость. — Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть. Хотя, признаюсь, удивлён. Ты редко звонишь. Точнее, никогда.

Он перевёл взгляд на Максима.

— А это кто у нас?

— Это Максим, — представила Света. — Мой друг. Он тоже в теме.

— В теме чего?

— В теме того, что происходит с этими чипами, — ответил Максим, поднимаясь из-за стола и протягивая руку. — И нам нужна твоя помощь.

Лёша пожал руку — крепко, с лёгким вызовом, как пожимают руку человеку, которого заранее подозревают в чём-то. Потом сел рядом со Светой. Максим занял место напротив.

— Так, ребята, — Лёша отпил Светино кофе, ничуть не смутившись. — Давайте без загадок. Что происходит? Я думал, всё это — прорыв.

— Прорыв — да. Но какой ценой? — Света взглянула на Максима. — Макс, расскажи. Ты лучше знаешь техническую сторону.

Максим кивнул. Он рассказал о сводке № 734 — без цифр и грифов, но по существу. О том, как, по его мнению, ИИ не обучает добровольцев, а прошивает их. Об эйфории, которая показалась ему подозрительной. О том, что сам ИИ, ско-

рее всего, преследует цели, о которых молчит. И о том, что единственный способ узнать правду — разобраться в сигнале, которым он обменивается с чипами.

— ...Поэтому нам нужно попасть в Сколково, — закончил Максим. — К оборудованию. Если мы сможем перехватить сигнал чипа, я смогу его продублировать на свой компьютер. Замаскироваться под добровольца. И, возможно, получить доступ к базам данных ИИ — изнутри.

Лёша слушал — сначала с недоверием, потом со всё большим вниманием. Он то и дело переводил взгляд на Свету, словно ища подтверждения.

— Ты серьёзно? — спросил он, когда Максим закончил. — Вы думаете, ИИ нас обманывает?

— Мы не думаем. Мы почти уверены, — ответила Света. — Иначе мы бы к тебе не приехали.

— Но зачем мне это? — Лёша посмотрел на них по очереди. — Я работаю в Сколково. Я в двух шагах от величайшего открытия в истории. Моя жизнь становится лучше. Мою лабораторию, которую три года собирались закрыть, внезапно все полюбили. Мне дали денег столько, сколько я за всю жизнь не видел.

— А ты подумал, что будет дальше? — спросила Света. — Когда всех чипируют? Когда ИИ будет управлять каждым нашим шагом?

— Это бред, Светик! — воскликнул Лёша. — Прогресс — это будущее!

— Это не будущее, Лёша. Это рабство, — твёрдо сказал Максим. — И мы не можем допустить, чтобы оно случилось.

Лёша замолчал. Лицо его выражало замешательство. Он явно не был готов к такому повороту.

— Я... не знаю, — сказал он наконец. — Мало того что это очень рискованно. Это ещё и звучит так, будто вы решили косплеить Малдера и Скалли из сериала девяностых. Если кто-то узнает, что я вам помог...

— Мы понимаем, — Света положила руку ему на плечо. — Но ты же знаешь: я никогда бы не попросила тебя о таком, если бы это не было действительно важно.

Лёша долго смотрел на Свету. Потом — на Максима. Потом почему-то — на красный мотоцикл в углу.

— Ты почему отказался от чипа? — вдруг спросил Максим.

Лёша дёрнул плечом.

— Потому что я двенадцать лет занимаюсь нейроинтерфейсами, — сказал он, помолчав. — И знаю, сколько электродов нужно, чтобы парализованный человек сдвинул курсор на экране. Сотни. И это с трепанацией, с проводами, с годами тренировки. А тут — прокол иглой, полчаса — и человек «понимает» квантовую гравитацию. Я физик, Макс. Когда я вижу, что что-то работает слишком хорошо, я начинаю искать, где спрятан провод. — Он невесело усмехнулся. — Я им так и сказал на собрании. Мне ответили: «Алексей Николаевич, вы мыслите категориями прошлого века».

И поставили наблюдателем. Чтобы не мешал.

— Ну вот, — тихо сказала Света. — Ты и сам всё знаешь.

— Ладно, — сказал Лёша, и в его голосе появилась решимость. — Я вам помогу. Но вы будете мне должны... Особенно ты, Светик.

Максим и Света переглянулись.

— Всё не так просто, Лёш, — начал Максим. — Я думаю, ИИ не просто загружает знания. Он переписывает восприятие реальности. Создаёт свою. Ему нужен наш мозг. Как ресурс...

— Ты хочешь сказать, что нас используют как батарейки? — переспросил Лёша, вспомнив старый фантастический фильм.

— Что-то вроде того, — подтвердил Максим. — Но, наверное, не в прямом смысле. Скорее как вычислительный центр.

Лёша задумчиво потёр подбородок.

— Интересно. Я слышал, они используют какие-то особые частоты. Если мы сможем их засечь, то, возможно...

— Именно! — воскликнул Максим. — У тебя есть оборудование, которое может их зафиксировать?

— Есть. Но это рискованно. Нас могут засечь.

— Мы готовы к риску. Главное, чтобы был шанс.

— Хорошо. — Лёша встал. — Пошли. У меня есть кое-что, что вам надо увидеть. Только учтите: это займёт время. И действовать придётся быстро и осторожно.

Они покинули «Гараж» и пошли к одному из зданий в глубине технопарка, где, по словам Лёши, располагались экспериментальные лаборатории нейроинтерфейсов. Путь лежал через почти пустые аллеи. Шёл первый рабочий день недели, но большинство сотрудников, как сказал Лёша, были в новом центре — там, где стоял андроид. Тишина вокруг казалась Максиму и Свете зловещей, словно затишье перед бурей.

Впереди, за деревьями, виднелся белый корпус нового центра, где неделю назад приземлилась сфера. Вокруг него — второе оцепление, машины Росгвардии, телевизионные фургоны с тарелками на крышах.

— Он всё ещё там стоит, — сказал Лёша, кивнув в ту сторону. — Андроид. Неделю стоит, не шевелится. Ночью светится. Охрана его боится, а уборщицы, говорят, с ним здороваются. Мы его зовём Ангелом. Кто-то — Манекеном. Зависит от того, кто дежурит.

— А ты как зовёшь? — спросила Света.

— Никак, — сказал Лёша. — Я стараюсь мимо него не ходить.

Он указал на неприметное серое здание поодаль.

— Нам туда. Внутри мы сможем не только зафиксировать частоты, но, возможно, и получить доступ к кое-каким данным. Центр имплантации подключён к общей сети кампуса, а у меня в этой сети есть несколько «бэкдоров», которые

я сам когда-то оставил. Когда сеть ещё строили. На всякий случай.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то опасное.

— Итак. Если что-то пойдёт не так — мы уходим. И никаких следов.

Они подошли к неприметной боковой двери. Лёша приложил к считывателю электронный ключ. Дверь тихо щёлкнула и открылась в тусклый коридор.

Внутри было тихо и прохладно. Пахло стерильностью и озоном. Максим почувствовал странное покалывание в воздухе, как от статического электричества.

— Нам вниз, — Лёша кивнул на лестницу. — Там мои лаборатории.

Они спустились, и перед ними открылся просторный зал, заставленный оборудованием. Мерцали экраны, тихо гудели стойки серверов, по стенам тянулись кабели в жёлтых лотках. Атмосфера была напряжённой и в то же время завораживающей.

— Вот, — Лёша указал на ряд приборов. — Анализаторы электромагнитных полей. Широкополосные, от единиц герц до сотни гигагерц. Мы их собирали под свои интерфейсы, но они могут уловить почти что угодно. В том числе — сигналы от чипов. Центр имплантации в трёхстах метрах, все пятьдесят добровольцев живут там, в гостевом корпусе. Под наблюдением.

Он подошёл к пульта и начал быстро набирать команды.

Максим и Света наблюдали, затаив дыхание.

— Смотрите. — На одном из экранов появился сложный рисунок, похожий на узор на воде. — Это сигнал, который генерируют наши добровольцы. Я его поймал в первый же день. Очень слабый, но чистый. Как будто... их мозги всё время что-то тихо передают.

— А сигналы самого ИИ? — спросил Максим.

— А вот это самое интересное. — Лёша открыл новое окно. — Корабль использует сложный протокол шифрования. Я в этом не силён. Но ты, как я понял, хакер?

— Был когда-то, — сказал Максим.

— Хакеров бывших не бывает, — заметил Лёша. — Как и бывших алкоголиков. Разберёшься, что здесь к чему?

Максим кивнул, достал нетбук и подключил его к оборудованию.

— Вот и хорошо. Теперь о быте. — Лёша говорил деловито, как завхоз. — Выходить отсюда не советую: наверху везде камеры, кроме этой лаборатории. Здесь не пишется — это мой индивидуальный проект, ещё до всего этого ажиотажа, его заморозили, и про этот подвал все забыли. Доступ есть только у меня. Еду буду приносить. Туалет в конце коридора слева. Спать можете в моём кабинете — он за серверами, там одна дверь, не ошибётесь. Диван раскладывается. Вечером приду с ужином, но остаться надолго не смогу, сами понимаете. То, что я сюда захожу, ни у кого вопросов не вызовет. А вот если меня не будет на месте — может навести началь-

ство на ненужные мысли. Вопросы, пожелания?

— Спасибо, Лёш, — сказала Света и поцеловала его в щеку. Лёша непроизвольно покраснел.

— Не за что, Светик. Ты же знаешь, для тебя я на всё готов...

Максим тем временем уже работал, время от времени поглядывая на Свету и Лёшу. Лицо у него было отсутствующим — полное погружение.

— И ещё, — добавил Лёша от двери. — Попробую добраться до логов центра имплантации. Если они есть. Может, перенаправлю сюда копию телеметрии. Там может быть что-то о том, как именно ИИ управляет процессом.

— Если получится, — не отрываясь от экрана, сказал Максим, — я, наверное, смогу подключиться к самому ИИ. А может, и к кораблю.

— Посмотрим, — ответил Лёша. — Работайте.

Он ушёл. Лабораторное оборудование тихо гудело. С каждым нажатием клавиш их обоих охватывало предчувствие, что всё это может закончиться совсем не так, как они ожидали.

\* \* \*

Максим погрузился в работу. Пальцы почти интуитивно находили нужные комбинации, глаза бегали по экранам, анализируя потоки данных. Света сначала сидела рядом, подавая ему кофе из кофемашины, которая стояла в кабинете Лёши, и просто поддерживала взглядом. Потом, чувствуя, как

нарастает напряжение, начала ходить вдоль серверных стоек, не зная, чем себя занять. Телефон в подвале не ловил, пароля от компьютера Лёши у неё не было, а читать Лёшины лабораторные журналы оказалось занятием, сравнимым по увлекательности с чтением инструкции к холодильнику на финском. В конце концов, не придумав себе дела, Света решила прилечь на тот самый диван в кабинете. «На пять минут», — сказала она себе.

Максим всё это время был сосредоточен на сигналах добровольцев. Анализатор показывал: сигналы слабые, но стабильные, словно тонкие нити, связывающие сознание каждого человека с чем-то большим. Максим начал строить алгоритмы для их фильтрации, отделяя фоновый шум от того, что действительно важно.

— Вот оно, — прошептал он, когда на экране проступила устойчивая картинка. — Базовый паттерн. Чип как бы «слушает» мозг — и одновременно «отвечает».

Он так увлёкся, что не заметил, что Светы рядом нет.

Следующим шагом было найти сигнал самого ИИ. Это было сложнее. Эфир вокруг был забит электромагнитными волнами — от приборов в лаборатории, от сотовых вышек, от спутников, от всего на свете. И, конечно, от самого корабля, который где-то там, за пределами земной орбиты, продолжал свой манёвр.

— Он наверняка использует свою, закрытую частоту, — бормотал Максим, глядя на хаотично мелькающие графики.

— Нужно найти его «голос» среди всего этого шума.

Он начал перебирать диапазоны, используя техники, которые когда-то сам разрабатывал для взлома защищённых сетей. Это было похоже на поиск иголки в стоге сена — раз-мером с планету. Часы шли.

И вот на экране, куда он вывел данные с самого мощного анализатора, начало проступать нечто похожее на ритмиче-ский пульс. Очень слабый, но стабильный сигнал, не похо-жий ни на что из виденного раньше. Он отличался от хаоти-ческого шума, как мелодия от случайных звуков. Он шёл не от добровольцев — сверху. Через спутники. Через те самые спутники, о которых Максим говорил Свете.

— Есть! — воскликнул он, не в силах сдержаться.

Он оглянулся, чтобы поделиться радостью, — Светы ря-дом не было. Максим подумал мгновение, запустил на нет-буке свою программу криптоанализа — на всякий случай, пусть крутится — и пошёл в кабинет Лёши, здраво рассудив, что больше ей быть негде.

— Свет, я нашёл что-то! Похоже на основной несущий сигнал. Теперь задача — понять, как он шифру...

Он осёкся. Света спала на диване, свернувшись калачи-ком. Максим постоял, глядя на неё, потом взял плед со спин-ки дивана, укрыл её и тихонько вышел, прикрыв за собой дверь.

— А вот и я! Ваш шеф-повар, он же курьер, он же до-бытчик. Короче, можете звать меня просто — ХОЗЯИН, —

громко провозгласил от входа Лёша, появившись в серверной с шестью коробками пиццы. Аромат мгновенно заполнил всё помещение, перебив даже запах озона.

Максим перехватил коробки и помог поставить их на стол — тот самый, за которым, как выяснилось, проработал весь день, даже не заметив этого. Часы на стене показывали восемь вечера.

— Привет, Лёш.

— Привет. А где Светик? Я принёс её любимую, с сырными бортиками.

— Спит у тебя в кабинете.

— О как. Ну пусть спит. Бери пиццу, пока горячая, и рассказывай. Как успехи?

— Мне удалось вычислить центральный сигнал, — начал Максим.

Лёша присвистнул, выражая своё восхищение.

— Хотел бы сказать, что это было раз плюнуть, — продолжал Максим, — но если честно, скорее повезло. Наткнулся на него минут двадцать назад. Запустил дешифровку, у нас есть несколько часов, пока она отработает. Но судя по первичному анализу, там целая система — многоуровневая, адаптивная. Прямой взлом бессмыслен. Ломать придётся до утра, если не дольше.

— А если пробить его напрямую?

— Если я пробую напрямую, ИИ тут же засечёт, — Максим понизил голос, словно корабль мог подслушать. — Ну-

жен другой подход. Нужна... приманка.

Лёша подошёл ближе, заглядывая через плечо на мерцающий экран.

— Приманка? В каком смысле?

— Смотри. — Максим указал на график, где пульсировал тот самый слабый, но стабильный сигнал. — Этим сигналом ИИ общается с имплантами. Сканирует, проверяет, всё ли в порядке, загружает обновления. Если я попытаюсь отправить туда что-то своё, он тут же заметит вторжение. Но если я отправлю что-то, что будет выглядеть как часть этого же трафика...

— ...то ИИ не заметит, — закончил Лёша.

— Именно. Нужно смешаться с потоком. Нужна модуляция, которая будет выглядеть как обычный незначительный всплеск, но при этом нести мою команду. Что-то, что ИИ проигнорирует как фоновый шум.

— Это всё, конечно, здорово, — сказал Лёша, — но давай ты сначала поешь, а потом вместе подумаем. Я с вами до утра: шефу сказал, что у меня появилась идея, как усовершенствовать сервера, и буду ночевать здесь. Так что до утра я в вашем распоряжении. И Свету надо разбудить, пусть поест. У меня в кабинете, кроме кофе, ничего нет.

— Согласен. Пицца пахнет так, что я уже готов серверную слюной залить. А Светка нам точно не простит, если мы её такой вкуснятиной не накормим.

Лёша пошёл будить Свету. Максим понёс следом коробки.

Лёша осторожно приоткрыл дверь кабинета. Света крепко спала, уютно свернувшись под пледом. На лице её застыло выражение полного спокойствия. Лёша улыбнулся: спящей она всегда казалась ему такой хрупкой. Он присел на край дивана и тихонько коснулся её плеча.

— Света, просыпайся. Время обедать. Точнее, ужинать.

Света медленно открыла глаза, проморгалась, пытаясь сфокусироваться. Лёгкая растерянность — а затем узнавание.

— Лёша? — Она села, поправляя растрепавшиеся волосы.  
— Я... кажется, уснула.

— Ничего страшного, — мягко сказал он. — Ты выглядела такой уставшей. Я принёс всем еды. Макс ждёт в серверной.

Света встала, потянулась — и неожиданный поцелуй в щёку застал её врасплох.

— Лёш... — прошептала она, чувствуя, как заливает щёки румянец.

— Ничего не говори. — Лёша приложил палец к её губам.  
— Ты же знаешь, для тебя я на всё готов. Мы ждём тебя в серверной.

Он вышел. Максим уже разложил пиццу на столе и с аппетитом уплетал кусок за куском — и, если он что-то и видел через приоткрытую дверь, то вида не подал. Вслед за Лёшей вышла Света.

— Привет, соня. Голодная?

— Очень, — улыбнулась Света, садясь рядом. — О, моя любимая? Спасибо, Лёш.

Они ели молча, под негромкое гудение серверов. После ужина Максим вернулся к мониторам.

— Итак, — сказал он, взяв в руки кружку с остывшим кофе, стоявшую, видимо, ещё с тех пор, как Света ушла спать. — С сигналом от имплантов разобрались. Теперь задача — найти канал, который ИИ использует для своих внутренних нужд. Так, чтобы он нас не засёк. И получить доступ к информации.

Пальцы снова заплясали по клавиатуре. Он перебирал гигабайты данных, выделяя из шума нужное. Лёша наблюдал, иногда подсказывая, где поискать.

— Ты уверен, что он не заметит? — спросил Лёша. — Он ведь постоянно анализирует всё, что происходит в сети.

— Поэтому я и ищу случайную модуляцию. Что-то, что выглядит как мелкий сбой.

Он снова погрузился в код.

— Нашёл! — воскликнул он минут через сорок. — Вот. Случайная модуляция, имитирующая мелкие сбои в передаче. Почти неотличима от обычного трафика. Если внедрить в этот всплеск свой небольшой пакет...

— И что ты хочешь туда внедрить? — Лёша был заинтригован.

— Доступ. К чему-то, что ИИ считает второстепенным. На что он не станет тратить ресурсы на шифрование. — Мак-

сим начал набирать новый код, сложный и точечный. — Если бы добраться до папок членов экипажа... до личных файлов... пусть даже это будет письмо от мамы. Мне нужна точка входа для червя, которого я пошлю вместе с сигналом. Не думаю, что за пару месяцев знакомства с нами ИИ успел понять, что такое троянский конь.

— Ты думаешь, данные экипажа зашифрованы слабее? — переспросил Лёша.

— Именно. ИИ, скорее всего, считает их несущественными. Вот ты бы стал шифровать письмо от мамы?

— Нет, — сказал Лёша.

— Вот. Думаю, среди всех сигналов должен быть какой-то для «писем от мамы». Как считаешь? Члены экипажа ведь должны были как-то поддерживать связь с родными. Или хотя бы вести дневники.

— А если у них нет понятия семьи? — спросила Света.

— В смысле? — удивился Максим.

— В коромысле. Представь, что у них общество, в котором нет семьи. Мы же ничего о них не знаем. Вдруг они почкованием размножаются? Или делением? Или спорами, как грибы? И это только те варианты, что мы знаем на Земле. Мы не знаем ни кто они, ни откуда. Знаем только со слов ИИ, что у него есть какой-то экипаж. Может, его вообще нет, и он нам врёт.

— Согласен, — поддержал её Лёша.

Максим внимательно выслушал, нахмутив брови. Слова

Светы заставили его задуматься. Они действительно опирались на свои, земные представления.

— Хорошая мысль, Света, — признал он. — Но даже если у них нет семьи в нашем понимании, должна быть какая-то форма личного обмена информацией. Что-то, что не требует максимальной защиты. Даже у самых закрытых систем есть лазейки: служебные каналы, отладочные протоколы, журналы... Где-то должна быть нешифрованная частота для поступления таких сигналов.

Он снова уткнулся в монитор. Начал искать сигналы, отличные от основного канала связи с имплантами, но не похожие и на служебные обновления.

— Ищу что-то... фоновое, — бормотал он. — Что ИИ использует для внутренних нужд, но не для критических операций. Логи, временные файлы, архивы...

Он перебирал сигналы, фиксируя амплитуду, частоту, интервалы, структуру пакетов. Большинство были либо слишком короткими, либо слишком хаотичными, либо, наоборот, слишком строгими.

— Ага... — Максим остановился. На экране появилось новое окно. — Вот. Серия коротких, очень слабых сигналов с определённой периодичностью. Не похожи на основной канал, но и не шум. Структура пакета... какая-то простая. Почти бытовая.

Он увеличил изображение.

— Похоже на... личные записи. Дневники? Видеосообще-

ния? ИИ, скорее всего, держит их у себя для анализа, но не шифрует так, как важные данные. Перегоняет из одного хранилища в другое — по ретранслятору, через наши же спутники, — и не прячет.

— Значит, мы нашли ту самую приманку? — с надеждой спросила Света.

— Возможно. — Максим продолжал анализ. — Частота — сорок семь и тридцать две сотых гигагерца. Модуляция довольно простая, но адаптивная — он меняет её в зависимости от чего-то. Но, думаю, подстроиться смогу. Нужно создать пакет, который будет выглядеть как часть этого сигнала, но нести мою команду.

Он начал экспериментировать с параметрами. Это была ювелирная работа: шаг в сторону — и весь пакет будет отброшен как аномалия.

Света снова задремала — теперь уже в кресле, накрывшись Лёшиной жилеткой. Лёша сидел рядом с Максимом и молчал, только иногда вставал, чтобы налить им обоим кофе. Часы на стене показывали два, потом три, потом четыре.

Наконец под утро, после нескольких сотен неудачных попыток, на экране вспыхнула зелёная строка:

«СОВПАДЕНИЕ МОДУЛЯЦИИ: 98,7%»

— Получилось! — выдохнул Максим, и Света вскинулась в кресле. — Я смог имитировать сигнал. Теперь, если отправить туда мой пакет... он будет выглядеть как обычная личная запись. ИИ, скорее всего, проигнорирует его.

Он подготовил червя — небольшую, но мощную программу, способную открыть точку входа в хранилище. Цель — папки экипажа. Личные файлы.

— Так, — сказал Максим. — Сейчас внедряю код в сигнал. Он пойдёт как часть обычной записи. Если повезёт, ИИ обработает его вместе с общим потоком и не поднимет тревоги.

Он нажал Enter. На экране побежали строки, подтверждающие отправку.

— Теперь ждём, — сказал Максим, вытирая пот со лба. — Он должен обработать «запись». Тогда у меня появится окно.

Тишина в серверной стала оглушительной. Света и Лёша замерли, глядя на бегущие строки. Казалось, прошла вечность. На самом деле — четыре минуты двенадцать секунд. Максим потом запомнил эту цифру на всю жизнь.

— Есть! — вдруг воскликнул он. — Доступ! Доступ к хранилищу личных файлов!

На экране открылись новые окна — структура каталогов. Названия были написаны незнакомыми знаками, похожими на тонкие переплетённые ветви, но модуль перевода, позаимствованный у самого ИИ, тут же подставлял под каждым русские слова. Папки с именами. С датами. И — самое главное — с пометкой «Личные записи».

— Он проигнорировал, — сказал Максим с облегчением. — Принял за обычную запись. Теперь...

Он открыл первую папку. На экране появился список файлов. Один из них стоял особняком — крупнее, с какой-то пометкой, похожей на печать.

«Бортовой журнал первого помощника капитана. Усон Вер Дан. Корабль „Звёздное небо“».

— Похоже, эта частота принадлежит первому помощнику капитана, — сказал Максим, заметив имя в заголовке пакета. — Видимо, ИИ держит записи командного состава отдельно. Это хорошо. Значит, там может быть больше информации. Посмотрим, что там...

Света подошла и встала у него за спиной, положив руку ему на плечо. Лёша придвинул стул.

На экране мигал курсор.

## Глава 7. Дела давно минувших лет

*Мы — стражи этого спящего мира.*

*Из бортового журнала Усона Вер Дана*

— Видеодневник, — прошептала Света. — Давайте посмотрим.

Максим кликнул на файл. Рядом с названием стояла дата, которую модуль перевода передал как «[624-й цикл от начала пути]». Под ней — номер: «Запись № 7342».

Максим включил перевод субтитрами. Экран ожил.

Изображение было непривычным — не прямоугольным, а слегка вытянутым по краям, словно снятым через выпуклую линзу. Мягкий янтарный свет. Помещение, похожее на рубку корабля, — только без пультов и кресел в привычном смысле: плавные изгибы стен, по которым медленно текли светящиеся линии, как прожилки в листе, и огромная звёздная карта во всю дальнюю стену.

В центре кадра сидел — или стоял, понять было трудно, — тот, кто вёл запись.

Это было существо, похожее на человека. Похожее — но не человек. Выше, тоньше, с удлинёнными кистями рук, в которых было на один сустав больше, чем у людей. Кожа — бледная, почти перламутровая, с едва заметным серебристым узором на висках, похожим на изморозь. Лицо узкое, высокие скулы, маленький рот. И глаза — большие, тёмные,

без белков, с тонким золотым ободком вокруг зрачка. В них отражалась звёздная карта.

Он заговорил. Голос был низкий, мягкий, с певучими переходами, будто каждое слово он не произносил, а протягивал. Перевод бежал вниз экрана.

— Системы наблюдения сообщают мне, что солнце нашего родного мира, некогда сиявшее и дарившее жизнь, почти угасло. Последние лучи его тепла слабеют, а древние знакомые звёзды кажутся чужими и холодными.

Солнце системы, которая когда-то была нашим домом, умирает. Холодный, медленный закат, растянувшийся на тысячелетия. Сначала оно раздулось, обожгло наши океаны и выпарило их. Потом сбросило оболочку, как змея сбрасывает кожу, — и сжалось в белую точку, слишком маленькую, чтобы согреть. Наш мир — Таэль — превратился в холодный пустынный шар. Мы видели, как он умирает. И наши мудрецы, величайшие умы нашего народа, пришли к выводу: пора уходить.

Наш народ не сдался. Мы не остались ждать конца. Мы использовали все знания, все технологии, накопленные за тысячи лет. И построили корабли — способные пересекать пустоту, несущие в себе надежду на новое начало. Десятки кораблей, как семена, разлетелись в разные стороны неба, и каждый несёт частицу нашего будущего. «Звёздное небо» — лишь один из них. Но он несёт самое ценное: наши знания, нашу историю и — главное — наших спящих.

Он повернулся к звёздной карте. Тонкой рукой коснулся одной из точек, и от неё к другой протянулась светящаяся нить.

— Мы давно покинули родную систему, но я всё ещё слежу за ней, когда не сплю. Мириады звёзд, и каждая может стать новым домом. Это захватывает. Это пугает. Но это наша надежда. Мы отправились в этот путь, разделившись, чтобы увеличить шансы на выживание. Хотя бы один корабль должен найти дом. Хотя бы один.

Большинство наших сородичей погружены в глубокую гибернацию. Это не просто сон — это состояние, в котором тело замедляет обмен веществ почти до остановки, экономя драгоценные ресурсы. Путь долгий. Очень долгий. Даже на скорости, близкой к трём сотым скорости света, дорога до пригодного мира может занять не одно столетие. По меркам космоса мы ползём, как улитки. Но благодаря гибернации мы дойдём. Время для нас — не просто мера. Это ресурс. Время, которое мы экономим во сне, позволяет нам пересечь бездну, отделяющую нас от нового дома.

Экипаж, включая меня, тоже уходит в сон — посменно. Жизнь на борту замерла, но не остановилась. Каждый из нас несёт свою вахту, просыпаясь по очереди, чтобы поддерживать порядок, наблюдать — и, конечно, вести записи.

Мы — стражи этого спящего мира. Мы пробуждаемся, чтобы вести его к цели. К новому дому.

Он помолчал.

— Мой мозг, как и мозг всех, кто спит на борту, находится под постоянным наблюдением нашего искусственного разума. Его имя — Страж. Он создан именно для этой миссии. Он — наш компас, наш навигатор, наш хранитель. Когда мы спим и наши тела лежат в капсулах, Страж бодрствует. Он не даёт нашему разуму угаснуть — а без работы разум во сне угасает, наши врачи доказали это давно. Поэтому Страж даёт нам работу. Он прокладывает курс сквозь пустоту, анализирует свет далёких звёзд, отбирает миры, пригодные для жизни, — и делает всё это нашими же умами. Мы спим, и нам снятся сны, а Страж складывает из наших снов вычисления. Наши мысли, наши догадки, наше знание — всё становится частью огромного разума, который ведёт корабль. И корабль живёт этим — нашей мыслью, как огонь живёт деревом.

Это невероятный союз. Мы — его сердце. Он — наша рука.

Максим нажал на паузу. В серверной было так тихо, что слышалось, как щёлкает реле в одной из стоек.

— Страж, — медленно сказал он. — Так его зовут. Нам он ни разу не назвал своего имени. «ИИ корабля». И всё.

— «Делает это нашими же умами», — повторил Лёша. Он сидел очень прямо, сцепив руки. — Подожди. Он говорит, что корабль работает на мозгах спящих? Что они... вычислительный центр?

— И источник энергии, — тихо сказала Света. — «Живёт этим, как огонь живёт деревом».

— Перевод может быть неточным, — сказал Максим.

— Может, — согласился Лёша, но голос его прозвучал неуверенно.

Максим снял запись с паузы.

— Когда пробуждаешься после долгого сна, — продолжал Усон Вер Дан, — это ни с чем не сравнимо. Чувствуешь, как просыпается тело, как возвращается сознание. Словно вынырываешь из бездонной глубины. Вокруг тихо, лишь гудят системы жизнеобеспечения и шепчет Страж, сообщая о текущем состоянии корабля.

Я решил сделать эту запись. Не знаю, кто и когда её увидит. Может быть, наши потомки — на новой, цветущей планете. Может быть, мы сами, когда достигнем цели и оглянемся на пройденный путь. Но я хочу запомнить этот момент. Хочу, чтобы знали: мы не сдались. Мы боролись.

Я чувствую гордость. За тех, кто построил эти корабли. За тех, кто принял решение лететь. За всех, кто сейчас спит в капсулах, доверившись Стражу и экипажу. Мы летим в неизвестность — но летим с верой. С верой в то, что найдём новый дом, где наш народ снова расцветёт.

Конечно, есть и страх. Страх неизвестности, страх потерь. Но он меркнет перед надеждой. Страх — это хорошо. Он удерживает нас от глупостей. Но надежда — это то, что заставляет нас идти дальше.

На сегодня всё. Пора передавать вахту. Пусть путь продолжается. Пусть наша надежда никогда не угаснет.

Усон Вер Дан, первый помощник капитана. «Звёздное небо». Конец записи.

Экран погас.

\* \* \*

Максим почувствовал, как внутри всё сжимается. Голос Усона Вер Дана принадлежал существу совершенно иной природы — но был полон такой искренности и тоски, что проникал в самое сердце.

Все трое молча смотрели на тёмный экран.

Света закрыла рот ладонью. Максим упёрся локтями в стол, глядя туда, где только что было лицо с огромными тёмными глазами. Лёша, до этого сидевший неподвижно, откинулся назад и провёл рукой по волосам.

— Не могу поверить... — тихо сказала Света. — Они... покинули умирающую планету. И полетели искать новый дом.

— Да, — сказал Максим. — Совсем другой взгляд на вещи. Я думал, мы имеем дело с экспериментом. С чем-то зловещим. А они... просто пытаются выжить.

— Это меняет всё, — с какой-то кривой усмешкой заметил Лёша. — То есть этот Страж — не манипулятор, как вы думали, а спасатель. Использует их мозги для вычислений, чтобы найти им новую планету. Мы смотрели на это как на вражеское вторжение, а они — беженцы.

— И эти записи... — Света покачала головой. — Это так лично. Искренне. Он ведь писал, зная, что кто-то может это

увидеть. Надеюсь, что они найдут дом. Как будто это обращение к потомкам.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.